МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Институт стран Азии и Африки
Кафедра тюркской филологии

ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ
XXVII Международной научной конференции «Дмитриевские чтения»

4 октября 2019 года, Москва

ПРОГРАММА

11.00 – 13.15 – пленарное заседание (ауд. 167)
13.15 – 14.15 – обед (столовая ИСАА)
14.15 – 16.00 – работа по секциям (ауд. 167, 337, 179)
16.00 – 16.30 – кофе-брейк (по секциям)
16.30 – 18.15 – работа по секциям (ауд. 167, 337, 179, 163)
18.15 – 18.30 – подведение итогов конференции (ауд. 167)
18.30 – 20.00 – фуршет (ауд. №167)

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Приветственное слово Председателя оргкомитета XXVII Международной научной конференции «Дмитриевские чтения», заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова д.ф.н., проф. М.М. Репенковой.

Представление книги памяти профессора Д.М. Насилова «Sözüm munda qalïr, barïr bu özüm... Scripta in memoriam D.M. Nasilov» (коллективная монография) – зам. заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова к.ф.н., доцент Е.А. Оганова.

Акалын Шюкрю Халюк – д.ф.н., профессор, директор Прикладного и научно-исследовательского центра лексикографии Университета Хаджеттепе (г. Анкара, Турция)

Новые тенденции в турецкой лексикографии и электронные версии словаря Турецкого лингвистического общества (доклад на турецком языке)

Васильев Дмитрий Дмитриевич – к.и.н., профессор, заведующий отделом истории востока ИВ РАН, научный руководитель российско-турецкого УНЦ РГГУ (г. Москва)

Турецкая пресса о нашем учителе Жаке Ихмальяне

Юсупова Альфия Шавкетовна – д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и тюркологии ИФМК КФУ (г. Казань)

Казанская тюркологическая школа: история и современность

Кызласов Игорь Леонидович –д.и.н., ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва)

Опасность современного письма рунами тюрков

Абидулин Алим Маратович – к.и.н., доцент Нижегородского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Путешествие Василия Баранщикова: ориентализм в русской литературе во второй половине XVIII века

Регламент выступления 20 минут

СЕКЦИЯ «ЛИНГВИСТИКА»

ЗАСЕДАНИЕ I (14.15 – 16.00, АУД. № 167)
Модератор: д.ф.н. Акалын Шюкрю

Бурнакова Клара Николаевна – д.ф.н., профессор кафедры раннего изучения иностранных языков Института иностранных языков МГПУ (г. Москва)

Боргоякова Татьяна Николаевна – к.ф.н., Центр национальных проблем образования, Федеральный институт развития образования РАНХИГС при Президенте РФ (г. Москва)

Исследование глагольных аналитических образований в тюркских языках

Дербишева Замира Касымбековна – д.ф.н., зам. директора Центра исследования тюркской цивилизации при КТУ «Манас» (г. Бишкек, Киргизия)

Культурно-духовные ценности турецкого общества в лексикографической интерпретации

Мызников Сергей Алексеевич – д.ф.н., заведующий словарным отделом ИЛИ РАН, заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы РГПУ имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Тюркизмы в этимологических словарях русского языка

Нуриева Фануза Шакуровна – д.ф.н., профессор КФУ (г. Казань)

Петрова Маргарита Михайловна – доцент Казанской православной духовной семинарии (г. Казань)

Сунгатуллина Миляуша Масхутовна – учитель английского языка в МАОУ «Основная общеобразовательная школа №30» (г. Казань)

Термины родства и свойства в Грамматике Иеронима Мегизера «Institutionum Linguae Turcicae Libri Quatuor» (Основные правила тюркского языка) 1612 года

Псянчин Юлай Валиевич – д.ф.н., профессор, генеральный директор ООО «Центр трудовой миграции – Лингва» (г. Уфа)

Глаголы колебательного движения в диалектах и говорах башкирского языка (в сравнении с литературным языком)

Телицин Николай Николаевич – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Несколько замечаний о "формах будущего времени" глагола в древнеуйгурском языке

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ II (16.30 – 18.15, АУД. № 167)
Модератор: к.ф.н. Оганова Елена Александровна

Атласова Элида Спиридоновна – к.ф.н., доцент СВФУ имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

Оленеводческая лексика в языке тундренных юкагиров РС(Я)

Аширов Тахир Амандурдыевич – д.ф.н. Государственного университета имени Бюлента Эджевита (г. Зонгулдак, Турция)

Бабаев Максат – преподаватель ТГУ им. Махтумкули (г. Ашхабад, Туркменистан)

Место и роль книги «Алфавит» М. Гельдыева и Г. Алпарова в истории туркменского языка

Гаджиева Анар Ахметбековна – к.ф.н., доцент кафедры языков и культуры народов стран СНГ и России, Военный университет МО РФ (г. Москва)

Морфонологические особенности «Акыл бере тугун кнеге» (изъ премудрости Іисуса сына Сирахова, Казань, 1891)

Глашев Ахмат Алабиевич – директор Института тюркологии (г. Москва)

Слово 'кара'/ 'χара' и его значения в хазарском языке

Кадырова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

Линейная позиция турецких конвербов и правила инверсии

Лебедев Эдуард Евгеньевич – к.ф.н., старший научный сотрудник ЧГИГН (г. Чебоксары)

О некоторых важных наблюдениях Н.И. Ашмарина в отношении языка волжских булгар (по работе «Болгары и чуваши»)

Хабибуллина Эльмира Камилевна – к.ф.н., декан Высшей школы международных отношения и востоковедения, Институт международных отношений КФУ (г. Казань)

Об особенностях передачи образной фразеологии в переводах татарской литературы на турецкий язык

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ III (14.15 – 16.00, АУД. № 179)
Модератор: к.ф.н. Телицин Николай Николаевич

Жоломанова Елена Ильясовна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры «Русский язык и литература» КТУ «Манас» (г. Бишкек, Кыргызстан)

Концепт «страх» в художественном дискурсе Чингиза Айтматова

Исмайлова Лейла Гусейновна – к.ф.н., доцент кафедры языков и культуры народов СНГ Военного университета Министерства обороны РФ (г. Москва)

Традиции азербайджанского народа в пословицах и поговорках

Латфуллина Ландыш Гиниятовна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания Института филологии МПУ (г. Москва)

Вопросы соотношения антропонимов в русском и татарском языках

Мусаева Феруза Тораховна – д.философ. н., руководитель проекта Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз

Лингвокультурный подход к изучению лексики узбекских диалектов

Пустогачева Оксана Николаевна – к.пед.н., доцент, старший научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Сохранение фольклора коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока – сохранение младописьменных и бесписьменных языков (на примере челканского языка)

Экба Зарема Назировна – к.ф.н., научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

К вопросу о классификации семантических изменений арабо-персидских заимствований в современных тюркских языках

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ IV (16.30 – 18.15, АУД. № 179)
Модератор: к.ф.н. Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна

Алексеева Ольга Андреевна – аспирант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Синтаксические особенности турецких новостных материалов

Верхова Ксения Александровна – магистрант 2 курса ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Обороты времени с формами на -DIğI- и -AcAğI-: функционально-стилистический и диахронический аспект

Камалова Шахназ Новруз кызы – аспирант кафедры тюркской филологии СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Копулятивные модели в языках ДТРП в современном азербайджанском языке

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

К вопросу о первых опытах составления словарей сельскохозяйственных терминов в Узбекистане в 1930-е гг.

Шаров Александр Владимирович – аспирант Института языкознания РАН (г. Москва)

Тюркизмы в произведении Келемена Микеша «Письма из Турции»

Регламент выступления 15 минут

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ЗАСЕДАНИЕ V (14.15 – 16.00, АУД. № 337)
Модератор: д.ф.н. Репенкова Мария Михайловна

Аверьянов Юрий Анатольевич – к.ф.н., старший научный сотрудник Институт востоковедения РАН (г. Москва)

Духовные стихи (нефес) бекташи и алевитов как источник по их мировоззрению

Аникеева Татьяна Александровна – к.ф.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

Вольфрам Эберхард и тюркология: о неопубликованном исследовании В. Эберхарда по тюркскому эпосу

Гаджиев Асиф Аббас оглу – д.ф.н., профессор университета «Азербайджан» (г. Баку, Азербайджан)

Фольклорно-литературный синкретизм и жанровая типология выселенческого фольклора ахалцихских турок

Гасанова Гюльнара Алиевна – к.ф.н., доцент Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджан)

Традиции Льва Толстого в прозе Анара

Горбаткина Галина Аркадьевна – к.ф.н., востоковед-филолог (г. Москва)

Образы суфийских шейхов в романе Яшара Кемаля «Тощий Мемед»

Кючюклер Али – д.ф.н., доцент Эрджиесского государственного университета (г. Кайсери, Турция)

Лекции Халиде Эдип в Индии: модернизация, ориентализм и ее видение образа Турции (доклад на турецком языке)

Оганова Елена Александровна – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

«Фосфорическая Джеврие» – роман и пьеса (к вопросу о драматургических переделках в современной турецкой литературе)

Репенкова Мария Михайловна – д.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Образная система романа Зюльфю Ливанели «Отель "Константинополь"»

Погосян Наира Акоповна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры тюркологии Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Акопян Татевик Васаковна – старший преподаватель кафедры тюркологии Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Образ султана Абдул Хамида II в романе турецкого писателя Н.С. Орика "Когда Абдул Хамид пал"

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ VI (16.00 – 18.15, АУД. № 337)
Модератор: к.ф.н. Эринч Эрдем

Жигульская Дарья Владимировна – к.и.н., доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН (г. Москва)

Турецкий национализм: полисемантичность и вариабельность термина

Сибагатов Флюр Шарифуллинович – к.ф.н., доцент кафедры журналистики Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Современная башкирская проза (на материале произведений А. Аминева)

Софронова Лариса Владиславовна – к.ф.н., доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ (г. Москва)

Психологическая проза Айфер Тунч

Сыздыкова Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа (г. Москва)

Мавзолей Яссави – место поклонения мусульман Центрально-Азиатского региона

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – д.ф.н., профессор ИИЯЛ УФИЦ РАН (г. Уфа)

Персонажи группы «ущербные люди» в башкирской мифологии

Эринч Эрдем – к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка и литературы Эрджиесского государственного университета (г. Кайсери, Турция)

Образ «белого русского» в творчестве Фикрета Адиля

ЗАСЕДАНИЕ VII (16.00 – 18.15, АУД. № 163)
Модератор: д.ф.н. Репенкова Мария Михайловна

Караджа Бирсен – д.ф.н. профессор, зав. кафедрой кавказских языков и культур факультета филологии, истории и географии Анкарского государственного университет (г. Анкара, Турция)

Интертекстуальные связи в романе Сабахаттина Али «Дьявол внутри нас» (доклад на турецком языке)

Мишкинене Галина Антоновна – д.ф.н., доцент Вильнюсского университета (г. Вильнюс, Литва)

Особенности и значение старотурецких текстов в структуре рукописей литовских татар

Парер Озлем – д.ф.н., зав. кафедрой русского языка и литературы факультета филологии, истории и географии Анкарского государственного университета (г. Анкара, Турция)

Печатная деятельность русской эмиграции первой волны в Турции на основе архивных материалов

Учгюль Севинч – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы факультета литературы Эрджиесского государственного университета (г. Кайсери, Турция)

Русская литература и русские писатели в лекциях по литературе Орхана Памука

Регламент выступления 15 минут

ЛИНГВИСТИКА

Akalın Şükrü Halûk
(Prof. Dr. Hacettepe Üniversitesi, Ankara, Türkiye)

TÜRK SÖZLÜKÇÜLÜĞÜNDE YENİ GELİŞMELER VE TDK *TÜRKÇE SÖZLÜK*'ÜN ELEKTRONİK SÜRÜMLERİ

Bin yıllık geçmişi olan Türk sözlükçülüğü, Kâşgarlı Mahmud'un XI. yüzyılda yazdığı *Divanu Lugâti't-Türk* ile başlar. İki dilli bu ilk sözlükten sonra farklı coğrafyalarda Türkçe için tek dilli, iki dilli, çok dilli, tematik, mensur-manzum pek çok sözlük hazırlanmıştır.

Türkiye'de sözlükçülüğün kurumsal anlamda yürütülmesi ise Türk Dil Kurumunun (TDK) 1932 yılında kurulmasından sonradır. İlk baskısı 1945 yılında tamamlanan *Türkçe Sözlük*'ün 5. baskısından 2011 yılında yapılan 11. baskıya kadarki bütün yayımları Türkologların, dilbilimcilerin ve Türkçe uzmanlarının yer aldığı kurullar tarafından hazırlanmıştır.

TDK'de sözlük çalışmaları 2002 yılına kadar hep basılı sözlük olarak çıkarılırken dünyada bilişim uygulamalarının yaygınlaşmasıyla çeşitli diller için elektronik sözlükler, çevrim içi sözlükler, derlem sözlükleri vb. yazılımlar kullanıcıların hizmetine sunulmaktaydı. İlk kez 2002 Temmuz'unda *Güncel Türkçe Sözlük* adıyla *Türkçe Sözlük* internette hizmete sunuldu. Sonra da *Derleme Sözlüğü, Tarama Sözlüğü, Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü*, terim sözlükleri, sesli sözlük gibi elektronik sözlükler açıldı. Bu sözlükler bugün de yeni ara yüzleriyle kullanıcıların gereksinimlerini karşılıyor. Kuşkusuz ağ ortamında hizmet veren başka sözlükler de var.

Sözcük bilimi (*lexicology*) araştırmacıları için çeşitli sorgulama ve süzgeçleme (*filtrate*) özelliklerine sahip çevrim dışı tek elektronik sözlük ise

TDK’nin 2007 yılında çıkardığı *Güncel Türkçe Sözlük ve Yazım Kılavuzu* yoğun diski (CD)’dir. Çevrim içi olmadığı için kamuoyunda ve bilim çevrelerinde pek bilinmeyen bu elektronik sözlük, Türkoloji, dil bilimi ve yabancı dil olarak Türkçenin öğretimi alanında da yararlı bir kaynak olarak görülmektedir. Bildiride Türk sözlükçülüğünde yeni gelişmelere değinilecek, Türkçenin günümüzdeki elektronik sözlükleri değerlendirilecek ve TDK *Güncel Türkçe Sözlük ve Yazım Kılavuzu* yoğun diski (CD) işlevsel özellikleriyle incelenecektir.

Алексеева О.А. (аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТУРЕЦКИХ НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В докладе на примерах из наиболее авторитетных турецких новостных интернет-изданий Anadolu Ajansı, Cumhuriyet, Hürriyet и др. рассматриваются основные синтаксические особенности турецких новостных материалов, а именно: строй предложения, оформление прямой и косвенной речи, грамматические конструкции, характерные для общественно-политического дискурса.

1. Строй предложения:

А) предложения преимущественно имеют прямой порядок слов (SOV), инверсия отсутствует;

Б) широко употребляется страдательный залог, особенно в сочетании с развернутым подлежащим, выраженным формами на *-DIğI/-(y)AcAğI* или отглагольным именем на *-mA*;

В) активно используются развернутые причастные обороты с полупредикативным значением. Подчиняющим существительным таких оборотов является существительное-подлежащее главного предложения.

2. Оформление прямой и косвенной речи

А) косвенная речь:

- предложение, содержащее косвенную речь, как правило, имеет следующую структуру: источник сообщения + косвенная речь + глагол речи; сказуемое косвенной речи, как правило, оформляется формами на *-DIğI/-(y)AcAğI* или отглагольным именем на *-mA*;
- широко распространено оформление косвенной речи как причастного оборота с полупредикативным значением.

Б) прямая речь:

- предложение, содержащее прямую речь, как правило, имеет следующую структуру: источник сообщения + прямая речь + глагол речи; прямая речь оформляется кавычками;
- наиболее употребительным глаголом речи, завершающим предложение с прямой речью, является глагол *demek*;
- прямая речь может завершаться точкой, восклицательным и вопросительным знаками, которые ставятся перед закрывающей кавычкой, при этом глагол речи пишется со строчной буквы;
- место глагола речи может занимать словосочетание, включающее в себя имя существительное и глагол, при этом имя существительное составляет одноаффиксный изафет с прямой речью;

3. Грамматические конструкции

А) конструкции с глаголом *bulunmak*:

- *… çağrısında bulunmak*;
- *-mA ısrarında bulunmak;*
- *-mAsI çağrısında bulunmak;*
- *-DIğI açıklamasında bulunmak*;

Б) конструкция *-DIğI/-(y)AcAğI görüşünde*.

Атласова Э.С. (к.ф.н., доцент СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск)

ОЛЕНЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ РС(Я)

Оленеводство является исконным занятием коренных жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока. С оленеводством связаны их культурные традиции, образ жизни и экономика оленеводческих хозяйств. В тундре олень обеспечивает все жизненные потребности человека, определяет его образ жизни (кочевничество) и основные элементы культуры (поселение и жилище, одежду, утварь и пищу, транспорт, общественные отношения, духовную культуру).

До сих пор оленеводческая лексика в современном юкагирском языке не становилась предметом специального исследования. В данной работе в процессе исследования половозрастных названий оленей и т.п. лексики языка юкагиров Нижней Колымы Республики Саха (Якутия) выявлены особенности формирования и пополнения терминологического фонда юкагирского языка. Изучение данного вида хозяйственной лексики представляет большой интерес не только для языковедов, историков, этнографов, но и важно для практического использования оленеводами-юкагирами. Данная работа ставит целью решение следующих задач: 1) провести анализ и сравнить материалы научных трудов исследователей юкагирского языка; 2) выписать слова, относящиеся к оленеводческой терминологии из словарей; 3) рассмотреть терминологию оленеводства юкагиров Нижней Колымы. Теоретической базой работы стали труды Е.А. Крейновича, Г.Н. Курилова, В.И. Йохельсона и других исследователей юкагирского языка.

В юкагирском языке есть слова, которые определяют масть, возраст и характерные особенности оленей, например: *йарахадьаа* (сущ.) ‘олень серой масти с беловатой шерстью по бокам’, *йоӈун подьарха* (сущ.) ‘олень с пестрым носом’, *ираӈал* (сущ.) ‘олень светло-коричневой масти’, *ньархайэвлидьэ*

(сущ.) ‘новорожденный олененок’, *монхомоҥодьаа* (эвф.) ‘годовалый дикий олень, у которого появились панты’ и т.д. Целый ряд терминов используется для обозначения частей тела оленя, например: аавандьэ ‘короткошерстная шкура оленя темно-коричневой масти’; ваҕадьумуп ‘отросток рога с разветвлениями на конце, растущий от основного ствола вперед’; йэвлидьэрава ‘пыжик (шкура олененка)’; куодьикиль ‘маленькие копытца, расположенные с задней стороны ног оленя’ и др.

Для обозначения пола и возраста употребительными являются исконно юкагирские названия, кроме двух слов *иитэнэл* ‘трехгодовалый олень-самец’ и *иитээнкээн* ‘трехгодовалый дикий олень’, которые были заимствованы из эвенского языка, т.к. юкагиры Нижней Колымы проживали вместе с эвенами. Нами проанализированы фольклорные и научные материалы, где не было обнаружено исконно юкагирских названий трехгодовалых оленей.

В связи с тем, что нарты были одним из основных видов транспорта, лексический пласт, отражающий виды нарт, является наиболее богатым, например: *анундаал* ‘поперечная перекладина в передней части нарты’; *архаа аньибэ* ‘крытая нарта, следующая в аргише сразу же за нартой каюра’; *архаа лалимэ* ‘нарта, следующая в аргише сразу же за передней’; *йааттиэ* ‘легкая чукотская мужская нарта из березовых пластин’.

Любая лексика, в том числе и оленеводческая, отражает знания носителей языка не только об их материальной, но и духовной культуре. У юкагиров с оленем связаны все верования и представления о мире, бытовые традиции, обычаи и обряды.

В заключение отметим, что оленеводческая лексика юкагирского языка составляет обширный и самостоятельный пласт, который образует тематические группы (названия мастей оленя, название вида оленей, половозрастные названия оленей, клички оленей, части тела оленя, названия содержания оленей, одежда, пища, культура и т.д.). Оленеводческая лексика юкагиров является огромным источником для пополнения словарного запаса языка тундренных юкагиров.

Аширов Т.А. (д.ф.н. Государственного университета имени Бюлента Эджевита, г. Зонгулдак, Турция),
Бабаев М. (преподаватель ТГУ имени Махтумкули, г. Ашхабад, Туркменистан)

МЕСТО И РОЛЬ КНИГИ «АЛФАВИТ» М. ГЕЛЬДЫЕВА И Г. АЛПАРОВА В ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

(M. Geldiyew ve G. Alparov'un "Elipbiý" Kitabynyň Türkmen Dili Taryryndaky Orny we Roly)

В начале XX в. Туркменистане произошло много значительных культурных и научных событий. Очевидно, что одной из актуальных тем того времени был туркменский язык. Об этом свидетельствуют труды М. Гельдыева и Г. Алпарова и их участие от имени Туркменистана в Тюркологическом съезде, который состоялся в 1926 г. в Баку. Особое место занимает труд М. Гельдыева «Алфавит» (الیپبي), опубликованный в 1924 г. в Полтараски (Ашхабад). Это исторический труд в плане преподавания родного языка в Советском Туркменистане, не утративший своей ценности и сегодня. В нашем докладе предпринята попытка определить и оценить значение и место в историческом процессе развития туркменского языка работы М. Гельдиева и Г. Алпарова «Алфавит», опубликованной в 1924 г. в Ашхабаде на джадидском алфавите.

Бурнакова К.Н. (д.ф.н. МГПУ, г. Москва),
Боргоякова Т.Н. (к.ф.н. ФИРО РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва)

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследования функционально-семантической стороны языковых единиц позволяют глубже понять современное состояние языка. В системе глагольных категорий отмечается высокая активность бытийных и иных глаголов, используемых для выражения аспектуального значения недлительности действия. Конструкции, выражающие аспектуальные значения, а также служащие для выражения способов глагольного действия, получили довольно полное описание по отдельным тюркским языкам. Для объективной оценки семантики и функций глагольных аналитических конструкций важно учитывать роль глагольных аналитических образований, перешедших в разряд формантов, а некоторые, грамматикализуясь, становятся вторичными синтетическими формами – подвергаются стяжению.

Одним из таких глаголов является многозначный вспомогательный глагол *тур* ‘стоять, останавливаться’, который неоднократно подвергался грамматикализации с одним из своих лексических значений в разные периоды формирования грамматических категорий глагола. Вступая в сочетание с деепричастными формами, он используется для выражения грамматических значений вида и времени: а) аналитический формант *-п тур* (видовое значение); б) аналитический формант *-п тур* (значение вида и настоящего времени); в) аффикс прошедшего времени на *-птыр*; г) модальная частица *-дыр* (абстрагированная форма грамматикализации, усиливает базовое значение временной формы).

Васильев Д.Д. (к.и.н., профессор, заведующий отделом истории Востока ИВ РАН, научный руководитель Российско-турецкого УНЦ РГГУ, Москва)

ТУРЕЦКАЯ ПРЕССА О НАШЕМ УЧИТЕЛЕ ЖАКЕ ИХМАЛЬЯНЕ

Мне посчастливилось быть выпускником учебного заведения, которое носило имя Институт восточных языков (ИВЯ при МГУ) и слушать лекции замечательных преподавателей кафедры тюркской филологии, которые еще застали Николая Константиновича Дмитриева и были носителями еще живых традиций его школы. Это была плеяда блестящих тюркологов, их курсы удивительным образом дополняли друг друга, что обеспечивало тот общий тюркологический комплекс знаний, необходимость которого была особо отмечена еще в конце XIX в. академиком В.В. Бартольдом.

Сейчас невероятно представить себе, но на кафедре шли навстречу нашим пожеланиям, и в ряде случаев имелась возможность и прослушать индивидуальные тематические курсы. Перечислю здесь только филологов, чьи лекции посчастливилось мне прослушать по программе нашей Кафедры: основные знания по турецкому (а затем и османскому) языку нам дала Э.А. Грунина, теоретическую грамматику турецкого языка преподавал С.А Соколов, возглавлявший кафедру, турецкую фонетику читал автор учебника Ш.С. Айляров, начинавший у всех поколений тюркологов свои лекции фразой: «Мир полон звуков!», лекции по литературе Турции хронологически делили И.В. Боролина, благодаря которой мы смогли осмыслить суфийское мировосприятие, и И.Р. Сонина, перед которой стояла неразрешимая задача заинтересовать нас прозой турецких писателей о тяжелой судьбе сельской и городской бедноты, блестящий оратор, профессор В.Д. Аракин, ученик академика В.А. Гордлевского, начавший свои занятия со строк Алишера Навои об историческом призвании тюрков, открыл нам мир культурного наследия тюркских народов; для меня и аспиранта Ивана Шервашидзе пригласили ушедшего к тому времени на пенсию профессора В.М. Насилова

для прочтения спецкурса по древнетюркскому, древнеуйгурскому и чагатайскому языкам. Немалый вклад в наше знание турецкого языка внес и удивительно мягкий и добрейшей души человек, полковник Е.Н. Травкин, обучавший нас военному переводу. Должен сказать, что все наши учителя оставили в моей памяти глубокие воспоминания как очень близкие люди. Это было характерной особенностью взаимоотношений студентов и преподавателей кафедры тюркской филологии.

Но совершенно особое место в нашем обучении занимали преподаватели – носители языка – стамбульский армянин Жак Гарбисович Ихмальян и болгарский турок Ахмет Алиевич Зекериев. Жак занимался с нами разговорным языком, ситуационными текстами, которые мы заучивали наизусть, что до сих пор оказывает очень добрую службу при неформальном общении с турецкой аудиторией. Ахмет, сам блестящий стилист, пытался научить нас стилистике литературного перевода текстов. Мы знали о нелегкой судьбе обоих наших иностранных «препов»: Ахмет испытал на себе репрессии болгарского «живковского» режима: придя однажды на занятия сказал: «Меня нельзя больше называть Ахмет, мне приказано именоваться – Асен Ангелович Захарьев».

Жак, как коммунист, сидел в турецкой тюрьме, многое вытерпел, и в своей политической деятельности был сподвижником Назыма Хикмета, был нелегалом, бежал, работал в Китае, Польше. При этом он был замечательным профессиональным художником с романтическим мировосприятием, имел в Москве мастерскую в арбатских переулках, куда он часто водил нас после занятий и показывал свои новые работы. Его выставка в Москве прошла с большим успехом, и я покажу после доклада видеоряд его произведений. После первого курса, нам удалось съездить на практику в Узбекистан, и мы пригласили его поехать с нами. От этой поездки также остались на память его рисунки.

Мои воспоминания были навеяны тем, что недавно в турецких газетах я встретил целый ряд публикаций о Жаке, интервью с его сыном Вече (который

также учился в ИСАА). Это было связано с первой выставкой его картин в Турции, ностальгическое восприятие которой хранит почти каждое его художественное произведение. Это было удивительно, поскольку долгие годы ему был запрещен въезд в Турцию, где он родился и провел все молодые годы. В годы нашей учебы и знакомства с Жаком Турция была практически закрытой для нас страной. И мне захотелось сообщить здесь на кафедре, где он работал и старался (несмотря на выпавшие на его долю жизненные испытания) привить интерес и симпатию к своей родине, как изменилось отношение к нему, нашему учителю турецкого языка в Турции, как пришло там признание его таланта и как повезло нашему поколению студентов-тюркологов благодаря общению с этим замечательным, мужественным человеком, оказавшимся еще и блестящим педагогом.

Основная часть доклада посвящена анализу публикаций турецкой прессы о Жаке Ихмальяне.

Верхова К.А. (магистрант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

ОБОРОТЫ ВРЕМЕНИ С ФОРМАМИ НА *-DIğI* и *-AcAğI*: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В докладе исследуются функционально-стилистические особенности подчинительных послеложных конструкций с глагольными формами на *-DIğI* и *-AcAğI*, передающих временную семантику (*-DIğI//-AcAğI zaman, -DIğI//-AcAğI vakit, -DIğI//-AcAğI sırada, -DIğI anda, -DIğI müddetçe, -DIğI sürece, -DIğIndAn beri)*, и диахронические закономерности их употребления.

Исследование проводилось на основе художественных текстов, публицистических и официально-деловых материалов и научных трудов XIX, XX и XXI вв.

В результате анализа выявлена зависимость частотности употребления рассматриваемых конструкций от стилистической и хронологической принадлежности текстов. В частности, установлено, что конструкции *-DIğI//-AcAğI zaman* и *-DIğI anda* употребляются вне зависимости от хронологической или стилистической принадлежности текста. Конструкции *-DIğI//-AcAğI vakit* и *-DIğI müddetçe* употребляются в текстах всех рассматриваемых стилистических направленностей XIX и XX веков, но встречаются крайне редко в текстах XXI в. Конструкция *-DIğI sürece* употребляется в текстах всех рассматриваемых стилистических направленностей, относящихся только к XXI в. Конструкция *-DIğIndAn beri* употребляется только в публицистических текстах XX и XXI вв. Конструкция *-DIğI//-AcAğI sırada* наиболее часто употребляется в художественных и официально-деловых текстах XXI в.

Выводы, сформулированные на основе результатов исследования, способствуют расширению представлений о функциональной стилистике турецкого языка в диахроническом аспекте.

Гаджиева А.А. (к.ф.н., доцент кафедры языков и культуры народов стран СНГ и России, Военный университет МО РФ, г. Москва)

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «АКЫЛ БЕРЕ ТУГУН КНЕГЕ» (ИЗЪ ПРЕМУДРОСТИ ІИСУСА, СЫНА СИРАХОВА, КАЗАНЬ, 1891 Г.)

Первые кириллические книги на казахском языке, изданные в рамках деятельности Переводческой комиссии, являются важным источником для исследования истории казахских диалектов и процесса становления современного литературного казахского языка.

Морфонологический анализ книги «Акыл бере тугун кнеге», Казань, 1891 г. («Изъ премудрости Іисуса, сына Сирахова»), созданной на основе кириллической графики, позволил выявить следующие особенности употребления аффиксов:

1. Употребление *-л-* в аффиксах после глухих согласных в соответствии с литературным *-т-* (*-ла/ле>-та/те*; *-лан/лен>-тан/тен*; *-лық/лік>-тық/тік*; *-лар/лер>-тар/тер*): *олуклап – ұлықтап* ‘возвеличивая’; *тнышландырады – тыныштандырады* ‘успокаивает’; *жумсаклык пенен – жұмсақтықпенен* ‘с мягкостью’; *эзгиликли – ізгілікті* ‘благодетельный’; *жазыкларымды – жазықтарымды* ‘грехи мои’.

2. Употребление *-н-* в соответствии с литературным *-д-* встречается в основном в аффиксах винительного и исходного падежей:

түсүни ~ лит. каз. *түсуді* ‘попасть, попадаться’;

Кудайны ~ лит. каз. *Құдайды* ‘Бога’;

тезнен ~ лит. каз. *тезден* ‘быстро’;

онан ~ лит. каз. *одан* ‘от него’.

Это явление представлено также в аффиксе множественного числа, но здесь оно может объясняться ассимиляцией после предшествующего сонорного *-н-*:

турганнарга ~ лит. каз. *тұрғандарға* ‘стоящим’.

3. Употребление *-д-* в падежных аффиксах в соответствии с литературным *-н-* в позиции после *-н, -ң* встречается в аффиксах родительного и исходного падежей:

катындың ~ лит. каз. *қатынның* ‘женщины’

үйңден ~ лит. каз. *үйіңнен* ‘из твоего дома’;

куанышыңдан ~ лит. каз. *қуанышыңнан* ‘от радости твоей’;

сурагандан ~ лит. каз. *сұрағаннан* ‘чем просить’

4. Употребление *-н-* в соответствии с литературным *-л-* в позиции после гласных отмечается в аффиксе возвратного залога однокоренных лексем *беринип* – лит. каз. *беріліп* ‘отдавшись’, *беринген* – лит. каз. *берілген* ‘отдавшийся, увлеченный’.

Глашев А.А. (директор Института тюркологии, г. Москва)

СЛОВО *КАРА*/ *ХАРА* И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ В ХАЗАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ряд источников сохранил ценнейшие сведения о тюркских языках Восточной Европы в V–XI вв. Есть среди них и те, которые имеют прямое отношение к хазарскому языку. Одним из бесспорных хазарских слов в таких источниках является *кара*/*χара*. Тщательный анализ этих источников дает основание заключить, что слово *кара*/*χара* в них употреблено не в значении ‘черный’, а в иных значениях.

Самым интересным источником является список епархий византийской церкви VIII в., сохранившийся в списке XIV в. (Париж. 1555A), в котором сохранилось два хазарских слова: ***кара***/ ***χара*** и ***су***. Ценность данного документа в том, что в нем дается перевод хазарского гидронима на греческий язык. Значения *аксу* и *карасу* в тюркских языках определяются так: *карасу* – ‘питающиеся за счет талых снеговых и ледниковых вод в высоких поясах гор и сбегающих вниз на равнину’, ‘стоячая вода’, ‘пруд’. А.Н. Кононов подчеркивал, что *карасу* – чистые родниковые речки, в которых вода всегда прозрачная, а сам термин *кара* ничего общего не имеет со значением ‘черный’ и употребляется в значении ‘суша, земля’, т.е. *кара-су* – ‘земля-вода’, ‘вода из земли’; *ак-су* – тип реки, цвет воды которой не белый, а мутный, и река эта имеет дождевое питание. В кар.-балк. и алт. *карасу* **قراصو** ‘родниковая, незамерзающая, чистая ключевая вода’.

Но *къара* в хазарском языке имело и другие значения. В значениях ‘запад’ и ‘истинный’ оно встречается в работе автора X в. ал-Истахри: *кара-хазар* **اراق رزاد**. Это сообщение было неправильно растолковано большинством исследователей как ‘черный’, что внесло путаницу в данный вопрос. Между тем оно в данном контексте означает не ‘черный’, а имеет два значения: ‘истинный’ и ‘запад’.

Слово *кара* имело в хаз. яз. и другие значения: ‘большой’, ‘великий’, ‘могучий’. Самым известным топонимом со словом *кара* в значении ‘большой’, ‘великий’ является *Черная Болгария* Μαυρή Βουλγαρία, а в др.-русск. летописях упоминаются также «черные болгары». Интересно отметить, что название *Черная Болгария* сохранилось до наших дней на Северном Кавказе. Так, говоря *Черная Балкария (Къара Малкъар)*, балкарцы имеют в виду не всю Балкарию, а только Верхнюю Балкарию или Большую Балкарию, некогда самое большое, независимое и сильное балкарское общество, в верховьях р. Черек (Черекское или Балкарское ущелье). Еще два названия есть у этого общества: *Уллу Малкъар* (‘Большая Балкария’) и *Огъары Малкъар* (‘Верхняя Балкария’), где *Уллу Малкъар* (‘Большая Балкария’) употребляется как синоним *Къара Малкъар*. Таким образом, приходится констатировать, что современные исследователи пошли по тому же ошибочному пути византийских и арабских авторов, которые перевели хазарское *къара* буквально, т.е. как ‘черный’, хотя ни в одном источнике о хазарах этого значения нет.

Дербишева З.К (д.ф.н., профессор КТУ «Манас», г. Бишкек, Киргизия)

КУЛЬТУРНО-ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ТУРЕЦКОГО ОБЩЕСТВА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

У каждого народа существует своя система культурно-духовных ценностей, которая сформировалась на протяжении всей его истории. Носителем этих ценностей является сам народ, который бережно хранит их и передает из поколения в поколение. И главным инструментом их хранения и передачи является язык народа, в котором зафиксированы эти ценности. В Кыргызско-Турецком университете «Манас» недавно был завершен проект по созданию «Лингвокультурологического словаря ценностей турецкого народа», над которым трудился коллектив авторов. В основу данного исследования был положен перечень ключевых слов, представляющих концептуальные понятия, являющиеся репрезентантами культурно-духовных доминант турецкого общества: *Adalet* ‘справедливость’, *Ağaç* ‘дерево’, *Aile* ‘семья’, *Alçak gönüllülük* ‘смирение’, *Anne* ‘мать’, *Aşk* ‘любовь’, *At* ‘конь’, *Bayrak* – ‘флаг’, *Dağ* – ‘гора’, *Dil* – ‘язык’, *Edep* – ‘порядочность’, *Ekmek* – ‘хлеб’, *Ev* ‘дом’, *Hoşgörü* ‘толерантность’, *Kadın* ‘женщина’, *Misafir* ‘гость’, *Sabır* ‘терпение’, *Su* ‘вода’, *Tanrı* ‘Бог’, *Tuz* ‘соль’, *Vatan* ‘родина’, *Zaman* ‘время’. Данный набор слов определенно не претендует на полный охват всех ключевых концептов турецкой языковой картины мира. Однако на начальном этапе лексикографического описания именно этот список слов, по мнению авторов – профессиональных лингвистов, являющихся носителями турецкого языка, имеет высокую степень социокультурной значимости. Эти понятия раскрывают национальное видение мира. Выбранные слова были описаны в словаре на основе следующих критериев:

1. Основное лексическое значение данного слова;
2. Этимология слова;

3. Синонимы и близкие по смыслу слова;
4. Типичные атрибутивные и глагольные сочетания со словом;
5. Устойчивые сравнения и фразеологические сочетания;
6. Пословицы и поговорки с данным словом;
7. Когнитивно-семантические признаки;
8. Национально-специфические смыслы, свойственные данному слову.

Жоломанова Е.И. (к.ф.н., старший преподаватель кафедры «Русский язык и литература» КТУ «Манас», г. Бишкек, Кыргызстан)

КОНЦЕПТ «СТРАХ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Ч. АЙТМАТОВА

В статье рассматривается концепт «страх» как составная часть эмоциональной концептосферы в художественных произведениях Ч. Айтматова. Структурная организация концепта представлена в виде понятийного, вербального и когнитивно-семантического слоев. Когнитивные признаки концепта выражают общечеловеческую и национально-специфическую природу страха. Выявление когнитем концепта «страх» помогает обозначать идеи писателя, выражающие авторское сознание.

Антропоцентрическая лингвистика положила начало новому направлению в языкознании, поставила в центр изучения человеческий фактор в языке. Лингвистов теперь интересует все, что связано с человеком – культура, общество, политика, этнос – и отражение их в языке. Определенное место в современном гуманистическом направлении отводится и лингвистике эмоций – дисциплине, которая исследует эмоции человека в связи с вопросами языковой личности, языкового сознания, национальной специфики лексики. В эмотиолингвистике наметились такие направления исследований, как эмоциональная картина мира, универсальное и национальное в объективации эмоций, базовые эмоции в языковом выражении и другие. Интенсивные разработки в области эмотиолингвистики ведут российские ученые В.И. Шаховский, Н.А. Красавский, Е.Ю. Мягкова, Ю.А. Сорокин, а также лингвисты Кыргызстана З.К. Дербишева, М.Дж. Тагаев.

Основными базовыми эмоциями человека являются радость, печаль, гнев, страх. Эмоциональный концепт «страх» втягивает в свою орбиту вербальные и невербальные средства выражения эмоций, универсальные и специфические. В данной статье уделено внимание анализу концепта «страх» в художественном дискурсе Ч. Айтматова.

Концептуальный анализ «страха» включает в себя два аспекта: языковую вербализацию данного концепта, объективированного лексикой, фразеологией, определенной лексической сочетаемостью; и лингвокогнитивный анализ, в который входят этимология имени концепта, его семантика, когнитивные признаки, когнитемы, образно-символические характеристики. В художественных текстах вычленяются вербальные средства выражения эмоции страха, а также ее физиологические и психологические формы проявления. Перечисленные параметры позволяют выявить индивидуально-авторские особенности эмоционального концепта «страх» в художественном дискурсе писателя-билингва.

Исмайлова Л.Г. (к.ф.н., доцент кафедры языков и культуры народов СНГ Военного университета МО РФ, г. Москва)

ТРАДИЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Пословица – это краткое меткое образное законченное изречение, обычно ритмичное по форме. Обобщая разнообразные явления жизни, пословицы обычно дают духовные или нравственные наставления, и имеют поучительную тенденцию.

Пословицы и поговорки как малые художественные формы своим значением и могуществом мысли равны художественному произведению, где конкретное событие, конкретная картина мира предстает в своей обобщенно-философской интерпретации. Пословицы, поговорки – гениальные произведения, автором которых является народ.

Любой человек относится к определенной этнической группе, у которой свой национальный язык со своей интонацией, своя определенная материальная и духовная культура, свои традиции и обряды. Язык народа всегда теснейшим образом связан с национальным духом.

Пословицы и поговорки являются особым культурно-национальным источником. В пословицах в сентенциозной форме отражены все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка.

Пословицы у азербайджанцев называются «Аталар сёзляри», что в переводе означает ‘слова отцов, мудрые слова предков’. Пословицы в речи подкрепляют мысль говорящего, они придают образную выразительность. Они эмоционально воздействуют на слушателя. В этом – предназначение пословицы. Тематика азербайджанских пословиц безгранична, как сама жизнь. Многие азербайджанские пословицы отражают традиции. Например:

«***Qonaq evinə motal yüklü gələn buğda yüklü gedər***» [*букв.: ‘пришедший в гости с сыром с пшеном уйдет’*] – хозяйка примет гостя хорошо, и обязательно по традиции даст гостю подарок.

«***Qızı saldın beşiyə, cehizi çək eşiyə***» [*букв.: ‘опустила дочь в люльку, собери приданое’*] – родилась девочка, мать начинает собирать приданое.

«***Qızım, sənə deyirəm, gəlinim, sən eşit***» [*букв.: ‘дочь, я говорю тебе, невестка, ты послушай’*] – свекровь не станет учить невестку, потому что она новый человек в семье, не так поймет, может обидеться, и поэтому мать скажет громко дочке, чтоб невестка слышала, как надо поступать в той или иной ситуации.

Пословицы и поговорки создавались в языке годами, они связаны с культурой народа. Каждая пословица имеет свою историю и национальный колорит. Пословицы и поговорки используются в речи как в ходе повседневного общения, так и при соблюдении традиций и обрядов. Они откладываются в языковом сознании и передаются из поколения в поколение. Носители языка чувствуют, в какой момент уместно употребить ту или иную пословицу. Уместность употребления пословиц зависит от знания культуры, правил речевого поведения, речевого этикета, принятого в данном национальном сообществе. Пословицы и поговорки придают речи образность, эмоциональность, красочность.

Кадырова О.М. (младший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, г. Москва)

ЛИНЕЙНАЯ ПОЗИЦИЯ ТУРЕЦКИХ КОНВЕРБОВ И ПРАВИЛА ИНВЕРСИИ

В системе турецкого языка действует грамматическое правило: подчиненные элементы синтаксической конструкции находятся в препозиции главному элементу. Соответственно конвербы, будучи обстоятельствами, обычно находятся в препозиции основному предикату. Однако в текстах и устной речи встречается инверсия. При внимательном изучении примеров можно отметить регулярность инверсии для некоторых сочетаний. Мы задались вопросом: а есть ли правила, указывающие на допустимость или необходимость нарушения стандартного порядка слов, а также запрещающие такие нарушения. За языковым материалом мы обратились к Национальному корпусу турецкого языка (TUD).

Исследовав более 1000 примеров употребления форм на *-Ip, -ArAk* и *-IncA*, мы обнаружили следующее:

1. Конвербы на *-Ip, -ArAk* и *-IncA* обычно находятся в препозиции основному предикату. Однако допускается инверсия, как правило в потоке устной речи.

Rahat mı uyosun süt içince?

‘Ты хорошо засыпаешь, попив молока?’

2. В случаях инверсии конверба, он находится в конце предложения.

3. Конверб на *-ArAk* чаще находится в постпозиции основному предикату, чем другие формы. Обычно он при этом участвует в оформлении прямой речи или является частью неделимого сочетания: *ilk olarak* ‘во-первых’, *geçici olarak* ‘временно’ и пр.

В случаях оформления прямой речи конверб является зависимым глагола говорения *demek,* который имеет фиксированную позицию, означающую окончание цитаты. Данная линейная позиция *demek* становится

условием, по которому конверб может находиться либо в препозиции цитаты, либо в постпозиции *demek*.

Препозиция

Elimi omzuna koyarak “Boş yere kendinizi suçlamayın” dedim.

‘Положив руку ему на плечо, я сказал: «Не обвиняйте себя понапрасну».’

Постпозиция

Rıfat, “Neydi o polisler” dedi ortaya konuşarak.

‘«Что это были за полицейские?» – сказал Рифат, обращаясь ко всем.’

Камалова Ш.Н. (аспирант СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

КОПУЛЯТИВНЫЕ МОДЕЛИ В ЯЗЫКАХ ДТРП В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В синтаксической подсистеме языка имеется всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур – моделей синтаксических конструкций, внутри которых возникает определенная связь: копулятивная структура, атрибутивная структура и предикативная структура.

Целью данного доклада является краткое описание копулятивных моделей в языках древнетюркских рунических памятников и современном азербайджанском языке.

Главная задача состоит в том, чтобы выделить элементы системы и показать их единую грамматическую и лингвистическую сущность.

Копулятивные модели представляют собой объединение двух и более знаменательных слов. В отличие от других видов словосочетаний в копулятивных сочетаниях отсутствуют атрибутивные отношения между компонентами. Лексические единицы, входящие в словосочетания этого типа, принадлежат к одному грамматическому ряду и легко выделяются в составе предложения: ... *ičre ašsïz, tašra tonsïz, yabïz, yablak bodunta üzä olurtìm (Ktb 26)* ‘…я сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды, (над народом) жалким и низким’ (Малов 1951: 24, 39). Компоненты копулятивной конструкции – распространенные и нераспространенные определения: … *ičre ašsïz, tašra tonsïz, yabız, yablak.* Первые два компонента этой конструкции могут быть истолкованы как обстоятельственные: *ičre* + *ašsïz* ‘изнутри + лишенные пищи’, *tašra* + *tonsïz* ‘снаружи + лишенные одежды’. Вся копулятивная цепочка представляет собой распространенное определение, чье определяемое – слово *bodun* ‘народ’. Это предложение, которое завершается дополнительной конструкцией *bodunta üzä olurtìm* ‘я сел (на царство) над народом’**.** Компоненты этой конструкции: дополняемое в

виде финитной и личной формы *olurtïm* ‘я сел’, косвенное дополнение – *bodunta üzä* ‘над народом’.

Для тюркских языков учение копулятивных моделей имеет существенное значение.

Кызласов И.Л. (д.ист.н., ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва)

ОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПИСЬМА РУНАМИ ТЮРКОВ

С 1980-х гг. и особенно с приходом 1990-х у ряда тюркских народов СССР проявился практический интерес к руноподобной письменности средневековья. Он возник даже там, где основой национальной культуры издавна служила арабица. Коренным жителям Южной Сибири, осмыслявшим самобытное прошлое, кроме рун, обратится было не к чему. Делу способствовала наглядность – осваивая научную литературу, люди обратились к камнеписным памятникам, окружавшим их на родине. Особенно этому помогли музейные собрания – стелларии Минусинска, Кызыла, Абакана.

В Хакасии появились энтузиасты, освоившие письмо рунами: оно вошло в оформление газетных шапок, афиш, плакатов. Серьезность положения выявилась, когда стали высекать надписи на могильных камнях кладбища и уличных памятниках. Здесь уже не было места орфографическим вольностям. Но мало кто понимал, что в руническом письме, как в любой графической словесности, существовало свое правописание.

В составлении руководства основную сложность представили звуки нашей речи, не имевшие знаков в руническом алфавите. Кое-какие заимствования преодолевались уже тогда (так, *b* передавала *v*), но запись обеих пар губных требовала увеличения азбуки. Не укладывался в руны отход от гармонии гласных, существующий, например, в хакасском. Однако остановило разработку не это.

Преподавание рунического письма в вузах побудило ряд слушателей писать на скалах и стелах. Важно понять: в этом случае уже через 10–15 лет мы перестанем отличать современные надписи от древних. И этим сами уничтожим великое наследие предков.

Латфуллина Л.Г. (к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания Института филологии МПУ, г. Москва)

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Вопросы перевода тесно соприкасаются с вопросами сопоставительного изучения контактирующих языков.

В современном татарском языке существуют немало фамилий, имен и отчеств из древнетюркских (*Айдар, Айрат, Аяз, Айбикә-‘Айбике’, Айтимер* и др.), старотатарских/ булга́рских (*Айсылу, Акчура, Алпар, Таңсылу-‘Тансылу’, Ханбәк-‘Ханбек’* и др.), а также заимствованных из арабского (*Әлфия-‘Альфия’, Әсия-‘Асия’, Әмир-‘Амир’, Әминә-‘Амина’, Җәлил-‘Джалиль’, Гомәр-‘Гумер’* и др.) и персидского (*Гөлнара-‘Гульнара’, Гөлназ-‘Гульназ’, Гөлзадә-‘Гульзада’, Гөлшат-‘Гульшат’, Рөстәм-‘Рустем’, Фәрит-‘Фарит’, Фәния-‘Фания’, Фәнис-‘Фанис’* и др.) языков, которые при переводе на русский язык подвергаются определенному фонетическому изменению из-за различий в фонетических системах разноструктурных языков.

Например, в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2016) распространенное среди татар и заимствованное из арабского языка имя *Зөләйхә́* (обычно в семье так называли младшую дочь) передается на русский язык как *Зулейха́*, а имя ее мужа *Мортаза́* (из *араб*. обозначает ‘избранный’) – *Муртаза́*.

Тюрко-татарское имя современной российской писательницы *Гүзәл-‘Гузе́ль’* переводится на русский язык как ‘красивая’, ‘прекрасная’, ‘прелестная’, ‘дивная’.

Таким образом, вопросы соотношения антропонимов в русском и татарском языках часто возникают в процессе перевода арабских и персидских имен.

Несмотря на то, что в татарском языке имеют место случаи искаженного употребления татарских имен, фамилий и отчеств, например, *Ахметзянов* вместо *Әхмәтҗанов*, *Гумеров* вместо *Гомәров*, *Хасан* вместо *Хәсән* и т.д., – это рассматривается как нарушение норм татарского языка.

Лебедев Э.Е. (к.ф.н., старший научный сотрудник ЧГИГН, г. Чебоксары)

О НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ Н.И. АШМАРИНА В ОТНОШЕНИИ ЯЗЫКА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР (ПО РАБОТЕ «БОЛГАРЫ И ЧУВАШИ»)

В работе «Болгары и чуваши» Н.И. Ашмарин сумел изложить основную суть своей научной концепции по вопросу происхождения чувашей.

Вот некоторые из замечаний Н.И. Ашмарина, сделанных им в отношении языка волжских булгар в эпитафийных надписях:

– ученый оспаривает точку зрения И.Н. Березина в отношении слова *оглы*, встречающемся в большом количестве надписей. На самом деле арабскими буквами это слово пишется, как اول, что может читаться двумя способами. Либо как *авыл* (лит. чув. *ывăл*), либо как *ул* (верх. чув. *ул*);

– в выражении اسوا‌ولسناحيرهكولبЮ. Клапрот обнаруживает «неизвестное» слово *Heir*, которое им воспринимается как собственное имя. По предложению Н.И. Ашмарина, это слово необходимо сопоставить с современным чувашским словом *хĕр* ‘дочь, девушка’, и все высказывание сразу становится понятным: ‘Надгробие *дочери* Хасана, сына Саварова’;

– ученым отмечено несколько случаев, когда переписчики, по его мнению, изменяли аффикс принадлежности третьего лица, придавая ему «кыпчакизированный» вид – *сы* (арабскими буквами سى). Так, например, в эпитафии № XVII вместо ожидаемого слова بلوكى (палăкĕ) встречаем слово بلكوسى.

– интересными представляются рассуждения ученого о правописании надписей на волжско-булгарском языке. Известно, что при помощи арабского алфавита достаточно сложно отображать те звуки тюркских языков, которые в арабском языке отсутствуют. Именно по этой причине, некоторые глухие звуки переданы буквами, обычно обозначающими звонкие звуки: *п* – при помощи буквы ب, *ç* – буквой ج и звонкий *х* – буквой ه. Это касается таких слов, как جال ‘год’, جور ‘сто’, جيرم ‘двадцать’, بيالم ‘пятый’, بلوك ‘знак’, طهر ‘девять’ и др.

Лосева-Бахтиярова Т.В. (к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

К ВОПРОСУ О ПЕРВЫХ ОПЫТАХ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1930-Е ГГ.

Объектом исследования послужил один из первых узбекских словарей сельскохозяйственной терминологии «Qьşlaq-xoçalьq terminologijəsi. I-nci bələk. Өsimlik zərərkynəndələri və kəsəlləri bilən kyrəşyvgə dajьr termenlər» («Сельскохозяйственная терминология. Вып. I. Терминология по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений»), составленный профессором В.Ю. Плотниковым и изданный в Ташкенте в 1931 г. Словарь написан на раннем узбекском яналифе и может полноправно считаться лексикографической ценностью.

Рост профессиональных кадров из представителей местных национальностей в 20–30-е гг. XX в. после установления советской власти на территориях проживания тюркоязычных народов требовал создания специальной литературы, в том числе терминологических словарей, на местных языках. Данная задача была сопряжена с большими трудностями вследствие отсутствия устоявшихся терминов, в частности, относящихся к такой важной и бурно развивавшейся области, как сельское хозяйство, и нехватки специалистов из числа узбекского населения, обладающих не только формальным знанием языка, но хорошо знакомых со способами номинации и особенностями словообразования в целом.

При создании терминов, относящихся к обозначенной теме, автору словаря пришлось идти тем же путем, что и ученым-русистам при составлении терминологии русского языка. В работе отмечаются следующие основные способы номинации: 1) прямой перевод на узбекский язык наименования с латыни или другого иностранного языка, где отражен какой-либо характерный

признак или сходство обозначаемого предмета; 2) использование местных народных названий; 3) заимствование из иностранных языков.

К сложностям написания словаря можно отнести и тот факт, что в узбекском языке сравнительно мало названий насекомых и за редким исключением они не приурочены к какой-либо группе или классу насекомых.

Слова в словаре расположены не в алфавитном порядке, а сгруппированы по родству понятий: «наружное строение насекомого», «типы усиков», «сбор насекомых», «вредители корней и всходов» и т.д. Для облегчения поиска необходимого слова в начале книги приводится алфавитный указатель с указанием страниц. Словарь является двуязычным, а именно русско-узбекским.

Мызников С.А. (д.ф.н. Институт славяноведения РАН, г. Москва, РГПУ имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

ТЮРКИЗМЫ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

К настоящему времени в деле изучения тюркизмов в русском языке представлены как этимологические словари русского лексикона в целом, так и специализированные труды, рассматривающие только единицы тюркского происхождения.

Первым словарем, сохранившим значение до настоящего времени, является словарь А.Г. Преображенского, в котором представлено около 400 ссылок на тюркские источники. Чаще всего в словаре в тюркских данных фигурируют татарские источники – свыше 120 единиц.

Например: *чемодан* ‘кожаная дорожная укладка, баул; брюхо (толстое), пузо’. Заимствовано из татар. *чамадан* то же (в татар. из перс. *jamadän* то же (Преображенский).

Наиболее основательным словарем, включающим в себя полный лексикон, является Словарь М. Фасмера. В нем свыше 800 единиц с пометой тюрк., причем к татарским источникам имеется 680 отсылок, а к турецким данным – 900. Хотя такого рода соотношение этимологических материалов скорее всего связано с использованием Словаря Радлова.

Большой вклад в дело изучения этимологии неисконной лексики внес труд А.Е. Аникина, изданный в 1997 г. «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков». В этом труде в более чем 3700 словарных статьях дается обширный русский диалектный материал, значительная часть которого впервые вводится в сферу этимологического анализа. Основная цель словаря заключалась в полном описании фонда апеллятивов, заимствованных в русские говоры из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Рассматривались слова, усвоенные от сибирских аборигенов, а также заимствованные к западу от

Сибири и занесенные предками сибирских старожилов на восток. Следует отметить, что А.Е. Аникин рассматривает этот свой труд «как дополнение к словарю М. Фасмера». Исходя из обширности материала и сложности задач по анализу апеллятивной лексики, автор совершенно справедливо исключил из рассмотрения значительные массивы сибирской топонимии. Одним из достоинств «Этимологического словаря русских диалектов Сибири» является то, что в нем обобщены материалы сибирской диалектной лексики, собранные во второй половине XX в. Описание заимствованной лексики, усвоенной русскими сибирскими говорами из аборигенных языков, составляет содержание большей части статей. Наиболее многочисленны заимствования из тюркских языков: якутского, тувинского, алтайского, хакасского, шорского, диалектов западносибирских татар, обско-угорских, тунгусо-маньчжурских. Около 2000 единиц имеют отсылку к общетюркским источникам, 400 – к татарским, 70 – к башкирским, 200 – к казахским, 110 – к киргизским данным.

Весьма значителен пласт лексики якутского происхождения, который в словаре представлен 1640 отсылками. Ср., например, русск. диал. *хаяк* ‘сливочное масло, замороженное вместе с пахтаньем’ Колым. Из якут. *хајах* ‘якутское масло различного приготовления: сырое масло, смешанное с водою и пресным или кислым молоком; масло, смешанное со сметаной, и потому имеющее кислый вкус’.

Нуриева Ф.Ш. (д.ф.н., профессор КФУ, г. Казань),
Петрова М.М. (доцент Казанской православной духовной семинарии, г. Казань),
Сунгатуллина М.М. (учитель английского языка МАОУ «ООШ №30», г. Казань)

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СВОЙСТВА В ГРАММАТИКЕ ИЕРОНИМА МЕГИЗЕРА «INSTITUTIONES LINGUAE TURCICAE LIBRI QUATUOR» («ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА») (1612)[1]

В данной работе на материале словаря, включающего две с половиной тысячи слов, и хрестоматии исследуется лексика со значением наименования лица. Из наименований лица рассматривается лишь группа слов, обозначающих термины родства и свойства.

К терминам родства по крови относятся: *baba – pater* ‘отец*’, ana – mater* ‘мать’, *atta babambabam – avus* ‘дед’, *biukanna* ‘бабушка’, *anamama – avia* ‘бабушка’, *dede – proavus* ‘прадед’, *teise – proavia* ‘прабабка’, *oglan – filius* ‘сын’, *kisoglan – filia* ‘дочка’ и другие. Зафиксированы также лексемы: *babam kardasch – patruus* ‘двоюродный дядя (по отцу)’, *anam ana – avia* ‘бабушка по материнской линии’, *amuga – cognatus,consobrinus* ‘родственник, дядя по отцу’, *hisim kaum* ‘кровный родственник’, *kiskardasch ‘сестра’, mischricler* ‘родственники’, *sagditsch* ‘двоюродный со стороны отца’ и другие. Для обозначения наименований каждого из супругов в словаре даны слова *coga – maritus* ‘муж,супруг’ *hatan, menkiuha –uxor* ‘жена’. В случае смерти по отношению к супругам используются термины *dul adem* ‘вдовец’, *dul abret ~ dul avrat* ‘вдова’.

В статье подробно описаны термины лица, отражающие все этапы человеческой жизни, например, *kisoglan – puella* ‘девочка’, *kis – virgo*

[1] Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ №18-012-00402.

‘девушка’, *abret ~ affaret ~ avurat ~ dischi shift foemina, faemina,mulier* ‘женщина’ и другие.

Подавляющая часть терминов является словами тюркского происхождения, однако имеются арабские заимствования. В некоторых случаях наблюдается вариативность написания, типа *abret ~ affaret ~ avurat.* Термины родства и свойства, зафиксированные грамматикой, до сих пор остаются активной лексикой.

Псянчин Ю.В. (д.ф.н., профессор, генеральный директор ООО «Центр трудовой миграции – Лингва», г. Уфа)

ГЛАГОЛЫ КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (В СРАВНЕНИИ С ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ)

В качестве источника изучения глаголов с семантикой колебательного движения в диалектах и говорах башкирского языка выступили все три тома «Словаря башкирских говоров», изданные, соответственно, в 1967 г. (СБГ, т. 1, Восточный диалект), 1970 г. (СБГ, т. 2, Южный диалект) и 1987 г. (СБГ, т. 3, Западный диалект). В восточном диалекте башкирского языка нами было выявлено 8 глаголов колебательного движения (например, *ҡалҡандау* (кизилский, кубалякский говоры) ‘качаться (о половой доске)’, *сәмгелдәү* (кизилский, кубалякский говоры) ‘шататься, трястись, колебаться’, *сәмәлйеү* (миасский говор) ‘качаться, шататься' и т.д.); в южном диалекте – 7 (например, *айҡалыу* (караидельский говор) ‘качаться (о воде)’, *сусаннау* (средний говор) ‘качаться’, *мөлкөйләү* (сакмарский говор) ‘трястись’ и т.д.) и в западном диалекте – 5 (например, *айҡалыу* (гайнинский говор) ‘качаться (о воде)’; *атыныу* (тук-соранский говор) ‘качаться (на качелях)’; *тулҡыныу* (среднеуральский говор) ‘колыхаться’ и т.д.).

Таким образом, для лексико-семантического анализа представлено 20 глаголов колебательного движения.

Глаголы колебательного движения в башкирском литературном языке полно и объективно представлены в работах З.Г. Ураксина «Словарь синонимов башкирского языка» (Уфа, 2000) и «Башкирско-русском словаре синонимов» М.Г. Усмановой (Уфа, 2011). З.Г. Ураксин в качестве доминанты синонимического ряда данного семантического типа глаголов (*сайҡалыу*, *тирбәлеү*, *бәүелеү*, *тулҡыныу*) характеризует лексему *сайҡалыу* ‘1) качаться, раскачиваться…; 2) колыхаться…; 3) шататься...’, поскольку именно она, по его мнению, является частоупотребляемой в речи. М.Г. Усманова вводит в

состав синонимического ряда глаголов колебательного движения те же четыре лексемы, что и З.Г. Ураксин, но в качестве его доминанты признает глагол *тирбәлеү* ‘колыхаться, шататься’. Глаголы *сайҡалыу* и *тирбәлеү* являются многозначными, при этом они могут обозначать не только сам процесс колебательного движения, но еще и движение по горизонтали, движение в воде и воздухе. В качестве субъектов движения могут выступать как люди, животные, так и различные предметы.

Следует уделить внимание контекстуальным средствам, которые способствуют выявлению той или иной семантики названных глаголов. При анализе литературных форм важную роль играет стилевая принадлежность текста: например, глагол *сайҡалыу* в поэтических жанрах, функционируя в первом своем значении, обозначает плавное, умеренное движение неодушевленных предметов. В итоге возникает глагольная метафора.

Анализ диалектных форм тоже требует особого подхода, который заключается: 1) в лексико-семантической группировке глаголов колебательного движения; 2) в выделении среди них лексических, семантических, фонетических и морфологических диалектизмов.

Полагаем, что именно путем актуализация этих двух аспектов можно будет добиться эффективного результата в сравнительном анализе диалектизмов с литературными формами.

Пустогачева О.Н. (к.пед.н., доцент, старший научный сотрудник ФГБНУ Институт языкознания РАН, г. Москва)

СОХРАНЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОХРАНЕНИЕ МЛАДОПИСЬМЕННЫХ И БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛКАНСКОГО ЯЗЫКА)

Челканцы – тюркоязычный народ, являются коренным малочисленным народом, проживающий на Алтае. Как самостоятельный этнос этот народ впервые вошел во Всероссийскую перепись РФ в 2002 г.

Несмотря на свою малочисленность челканцам удалось донести свою самобытную культуру, фольклор и язык до наших дней. С древних времен язык охотников, рыбаков таежной тайги сохранился почти без изменения, специальными лексическими терминами обозначаются те или иные явления, ритуальные действия, связанные с обычаями и традициями, предметы обихода в традиционной хозяйственной деятельности. К сожалению, в последние годы с уходом старшего поколения язык стремительно исчезает. Как известно, нет языка и нет народа.

Многовековая мудрость челканского народа выражена в его устном народном творчестве – в фольклоре. Богатый самобытный фольклор челканского народа включает многоцветную палитру жанров: героические сказания, сказки, легенды, мифы, песни, загадки, пословицы, поговорки, скороговорки. Фольклор является формой самовыражения народа, именно в нем отражается историческая народная память, преемственность поколений. Фольклор помогает осознать самобытность народных культур и осмыслить их традиции и обряды. Он не только отражает быт, но и прививает понятия об этике и нравственных ценностях, воспевая как лучшие черты своего народа, так и общечеловеческие. Общими для всех людей являются чувства радости и печали, любви и ненависти, стремление к добру и правде.

В фольклоре челканского народа особенное место занимает «кай

щӧрщӧк» (героический эпос), исполняющийся сказителями горловым пением или мелодичным рассказом. Героические сказания воспитывали в слушателях гордость за свой народ, готовность к взаимопомощи и интерес к историческому прошлому родной земли. К примеру, в одном известном челканском героическом эпосе «Кара сағыштуғ Каткы-Мерген» («Крутонравный Каткы-Мерген») прослеживается судьба героя, обретение им силы при преодолении очередных жизненных трудностей. Герой несет ответственность не только за себя и близких, но и за свой народ. Сочный, живой, выразительный и точный язык эпоса отражает характер и самобытность челканского народа

Язык выступает не только как универсальное средство общения и социальной адаптации индивида, но и как мощный ретранслятор культурного наследия, который связывает социальный и культурный опыт многих поколений.

Телицин Н.Н. (к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «ФОРМАХ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ» ГЛАГОЛА В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционная концепция глагольной категории времени обычно описывает формы, в значениях которых образы действий вступают в хронологические отношения и, как правило, характеризуются попросту как «настоящие», «прошедшие» и «будущие» времена. Нередко их именуют «простыми» или «сложными временными формами». Согласно наиболее распространенной точке зрения категория времени вообще обозначает не просто время деятельности предмета, а отношение времени деятельности его ко времени речи, или факту сообщения.

Однако, точкой или периодом ориентации, с которыми хронологически соотносятся образы действий, не может быть «момент речи» поскольку он представляет собой внеязыковое событие, и, будучи материальным явлением, не может входить в содержание языковых значений, являющихся абстрактными образами. Кроме того, он может лишь учитываться говорящим при выработке стратегии высказывания, в том числе при выборе той или иной временной формы, но не может быть центром системы идеальных единиц, которыми являются языковые значения.

Морфологическое устройство категории времени древнеуйгурского языка свидетельствует о том, что она состоит из трех подсистем: формы первичной (настоящие времена), вторичной (прошедшие времена) и третичной ориентации (будущие времена). Такая структура наблюдается и в современном турецком языке.

При информировании о «будущих действиях» носитель языка использует период ориентации как имеющий место в будущем. В памятниках выделяется аналитическая словоформа *-miš er-*, которую можно назвать «перфект в будущем».

Хабибуллина Э. К. (к.ф.н., декан Высшей школы
международных отношений и востоковедения
Института международных отношений, КФУ, г. Казань)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ПЕРЕВОДАХ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

Художественная литература выступает богатым источником устойчивых языковых единиц, в том числе и фразеологических оборотов. Особенности их передачи даже при переводе с одного родственного языка на другой представляются интересными и актуальными для более детального изучения. Часто именно схожесть языков порождает переводческие ошибки. Отдельные фразеологические единицы характерны только для конкретного языка и могут не иметь эквивалентов в другом. Наше исследование посвящено изучению особенностей трансформации фразеологических единиц в процессе перевода татарской художественной литературы на турецкий язык. Материалом для исследования послужили переводы произведений татарской прозы на турецкий язык.

В процессе исследования были выделены несколько видов трансформаций, использованных при переводе фразеологических единиц: подбор эквивалента, калькирование, описательный перевод и т.д. Были выявлены национально-окрашенные фразеологизмы и изучены пути их передачи на язык перевода. На конкретных примерах была предпринята попытка анализа особенностей передачи образной фразеологии в переводах татарской литературы на турецкий язык.

Шаров А.В. (аспирант отдела урало-алтайских языков
Института языкознания РАН, г. Москва)

ТЮРКИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ КЕЛЕМЕНА МИКЕША «ПИСЬМА ИЗ ТУРЦИИ»

Келемен Микеш (Mikes Kelemen, 1690–1761) – сравнительно малоизвестный в России венгерский общественный деятель и писатель, значительную часть жизни проведший в изгнании, скитаясь по разным частям Европы. Немало времени пришлось на его османский период изгнания, во время которого он написал свои «Письма из Турции» ("*Törökországi levelek*", букв.,'Турецкие письма').

С точки зрения литературоведения произведение представляет интерес, как претендующее на звание первого в истории венгерской литературы (а возможно, и мировой) эпистолярного романа с долгой историей написания (время создания – более сорока лет, между 1717 и 1758 гг.; общее число писем, составляющих создание Микеша – 207).

С точки зрения лингвистики произведение актуально как сборник различных писем, позволяющий в рамках работы лишь одного автора проследить развитие различных уровней языка на протяжении нескольких десятилетий.

Немаловажны для исследования и иноязычные заимствования. Те несколько десятков османских слов: имен, титулов, реалий жизни, которые попали на страницы «Писем из Турции» могут пролить свет на турецкое произношение XVIII в., а также проследить пути появления в венгерском литературном языке османизмов – самого позднего по времени слоя тюркских заимствований.

Для истории турецкого языка важность «Писем из Турции» объясняется также и тем, что рукой Микеша была проведена одна из самых ранних попыток фиксации турецкой фонетики посредством латинского алфавита.

Наконец, добавим, что впервые в венгерской печати «Письма из Турции» появляются в 1794 г. в венгерском городе Сомбатхей спустя более чем тридцать лет после кончины автора в приютившем его Текирдаге.

Экба З.Н. (к.ф.н., научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, г. Москва)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Для отдельно взятых современных тюркских языков существует достаточно традиционная классификация семантических изменений заимствованных слов арабского и персидского происхождения, согласно которой в отдельную группу выделяются так называемые «слова, получившие новые значения». Однако при более глубоком сравнительном анализе и детальном рассмотрении этих заимствований одновременно в нескольких группах языков, а также обращении к пратюркскому состоянию, почти всегда обнаруживается если не прямая, то косвенная связь этих так называемых новых значений с первоначальным значением в языке-источнике (в докладе приводится ряд примеров). Таким образом, наблюдая явление вторичной номинации, когда на основании фонетического облика слова в языке-источнике развивается новое значение в принимающем языке, почти всегда можно отметить, что в большинстве случаев это значение обнаруживается как утраченное (или устаревшее), либо оно имеет параллели в других тюркских языках и, фактически, не является совершенно новым.

Следовательно, наличие неких общих семантических компонентов в значениях слов в арабском и персидском, а также в пратюркском и его рефлексах в современных тюркских языках дает основание рассматривать эту группу слов не как «получившие новые значения», а скорее как «изменившие круг значений в результате заимствования». Такой анализ приводит нас к пониманию того, что общепринятая классификация семантических изменений данной группы заимствованных слов в достаточной степени условна. Более детальное исследование подобного рода заимствованных слов применительно к нескольким группам языков одновременно предоставляет возможность не

только восстанавливать предполагаемые утраченные значения многозначных слов в языке-источнике, но и воссоздавать целые ряды лексических единиц, вышедших из употребления в одних языках, но сохранившихся в качестве заимствований в других.

Юсупова А.Ш. (д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и тюркологии ИФМК КФУ, г. Казань)

КАЗАНСКАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Как научное направление Казанская тюркологическая школа (КТШ) берет начало с 30–40-х гг. XIX в. Основателями этой признанной во всем мире научной школы являются И.С. Хальфин, Х.М. Френ, Ф.И. Эрдман, А.К. Казем-Бек, А. Троянский, И.Н. Березин М. Махмудов, А. Вагабов, М. Иванов, С. Кукляшев, Каюм Насыри, Н.Ф. Катанов, В.В. Радлов и др. Заложенные ими традиции продолжают развиваться до сих пор.

Со второй половины XX в. в рамках КТШ стали появляться обобщающие труды по татарскому языкознанию, составляться и издаваться многотомные словари татарского языка и учебники для высших учебных заведений. Начались активные исследования грамматической и фонетической структуры, истории и диалектологии, лексики татарского языка, тюрко-татарской ономастики, сопоставительно-типологические исследования родственных и неродственных языков в плане их структурно-функциональных и лингвокультурологических взаимоотношений; исследования по междисциплинарным направлениям, в частности в области этнолингвистики, лингвокультурологии, функционально-коммуникативной и когнитивной лингвистики, ареальной лингвогеографии и др.

В настоящее время ведущими направлениями КТШ являются: изучение татарского языка в диахронии и синхронии; закономерности функционирования татарского языка в полиэтническом и социокультурном пространстве; лингвокультурологический и этнолингвистический аспекты исследования татарского языка; исследование тюрко-татарской ономастики в контексте культуры и истории народа; функциональные и семантико-прагматические исследования языка и речи; сравнительно-сопоставительные исследования татарского языка. Научные результаты успешно внедряются в учебную и научно-исследовательскую деятельность Казанского федерального

университета и других учебных заведений Республики Татарстан и различных субъектов страны.

Одной из важных задач Казанской лингвистической школы является сохранение, развитие и совершенствование тюркологии в рамках общего научного пространства, объединение усилий всех тюркологов, направленных на решение актуальных и первостепенных вопросов изучения тюркских языков, их истории, этнографии и культуры.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аверьянов Ю.А. (к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник ИВ РАН, РГГУ)

ДУХОВНЫЕ СТИХИ БЕКТАШИ И АЛЕВИТОВ (НЕФЕС) КАК ИСТОЧНИК ПО ИХ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

Народные духовные стихи, называемые словом нефес (‘душа’, ‘дыхание’), исполняются (поются) под музыку и служат неотъемлемой частью собраний (мухаббет, ‘любовное общение’) или церемонии айин-и джем религиозных сообществ бекташи и алевитов. В 1940-х гг. Вахит Лютфи Салджи начал исследовать нефесы бекташийского и алевитского населения Фракии. В 2002 г. в Анкаре был издан объемный труд Х. Йалтырыка «Суфийская народная музыка Фракийского региона», используемый нами в качестве основного источника. Он снабжен текстами и нотными записями нефесов бекташи. В нем представлены различные поджанры нефесов (мерсийе, дювазимам, медхийе, неврузийе, деврийе). При исполнении нефесов исполнителями применяются макамы хюсейни и ушшак; манера исполнения всегда эмоционально насыщенная; пение нефесов сопровождается игрой на багламе.

Нефесы традиционно делятся на те, которые слушают сидя (отурак), и те, под которые совершают ритуальный танец-радение (семах, сема). Траурные элегии исполняют сидя; для танцев используют более стремительные ритмы. Нефесы являются частью наследия суфийских братств (тарикатов), но они более близки к народной поэзии, чем гимны «городских» суфиев. Некоторые элементы в нефесах, вероятно, имеют доисламское происхождение (фигуры танцев, напоминающие взмахи птичьих крыльев, также восходят к природным культам). Имя сочинителя того или иного нефеса

обычно указывалось в последнем куплете, но о самих этих поэтах, в основном, сохранились только легендарные сведения. Нефесы бекташи отличаются от иляхи других суфийских братств отсутствием в них минорных тонов – они пронизаны светлым чувством радости от ощущения божественной Любви и лишены «загробного» колорита.

Вечерние собрания бекташи и алевитов весьма напоминают аналогичные «вечери любви» (агапэ) первых христиан в Римской империи. Хотя, по словам Климента Александрийского, песнопения христиан «не поощряют собой бесстыдство посредством игры на флейте или хороводов и плясок, не приводят к опьянению и разного рода безрассудству» («Педагог»), но во время вечерей хороводы все-таки водили, как следует из «Пастыря Ерма». Еще более распространенными радения («хождения вкруг») были среди христианских мистических сект, и здесь мы можем говорить уже не только о типологическом сходстве, но, вполне возможно, и об общем происхождении указанных практик. В этой связи крайне интересно провести сравнительный анализ текстов и идейного содержания нефесов бекташи с песнопениями русских мистичеких сектантов (хлыстов, скопцов и т.п.), сохранившихся в записях XVIII–XIX вв.

Аникеева Т.А. (к.ф.н., старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, г. Москва)

ВОЛЬФРАМ ЭБЕРХАРД И ТЮРКОЛОГИЯ: О НЕОПУБЛИКОВАННОМ ИССЛЕДОВАНИИ В. ЭБЕРХАРДА ПО ТЮРКСКОМУ ЭПОСУ

Вольфрам Эберхард (1909–1989) – известный китаист, в сферу научных интересов которого наряду с историей Китая и Центральной Азии, входило, прежде всего, изучение китайского фольклора, культурные взаимосвязи между Китаем и народами Центральной Азии. В то же время, если наследие В. Эберхарда в этой области является хорошо изученным, то его тюркологические изыскания пока остаются в тени.

С 1937 по 1948 гг. В. Эберхард преподавал в Анкарском университете не только историю Китая, но также читал курсы по китайскому фольклору, национальным меньшинствам Китая и др. Впоследствии в Беркли (Калифорния, США) он читал множество курсов, посвященных культурам Центральной, Западной и Восточной Азии, и в то же время сохранял интерес к турецкому и в целом – тюркскому фольклору. В. Эберхард стал соавтором «Указателя мотивов турецкой волшебной сказки», который был им написан совместно с известным турецким фольклористом П.Н. Бораталом (издан в 1953 г.).

По сей день неопубликованная работа В. Эберхарда «О сказаниях “Деде Коркут“» («Über die Erzählungen des Dede Korkut»), оригинал которой хранится в архиве Фольклорного общества Финской АН, посвящена исследованию «Книги моего деда Коркута». Отличительной чертой труда Эберхарда, отличающей его от собственно тюркологических исследований «Книги Коркута» и турецкого фольклора в целом, является попытка провести сопоставления с греческими мифами, многими памятниками индийской и персидской литературной традиции, таким образом поместить огузский эпос в широкий контекст истории мировой литературы. «Книга моего деда

Коркута» всегда представляла особый интерес для ученых, занимающихся сравнительным исследованием и типологией фольклора. Очевидно, что на формирование нескольких сказаний «Китаб-и дедем Коркут» оказали сильнейшее влияние как современные им образцы византийского, греческого фольклора, так и архаические сюжеты более древнего периода, что и стало отправной точкой научных изысканий в неопубликованном труде В. Эберхарда.

Аширов Т.А. (д.ф.н. Государственного университета имени Бюлента Эджевита, г. Зонгулдак, Турция)

ИСТОРИЯ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СОВЕТСКОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. ГЕЛЬДЫЕВА (1889–1931)

Первые годы Советского Туркменистана стали периодом, когда в стране начали активно обсуждаться историко-культурные проблемы, и обрела звучание критическая мысль. Известные мыслители писали рецензии на статьи с разнообразной проблематикой. Одним из таких рецензентов был Мухаммед Гельдыев (1889–1931), занимающий особое место в истории критического мышления Советского Туркменистана. В 1926 г. была опубликована статья Окыджи «Seýdini nä tüýsli düşünmeli (سه يدىءنى ناتويسلى دوشنمه لى) » (Как понять Сейди), основной темой которой стало творчество поэта-классика туркменской литературы XIX в. Сейитназара Сейди (1775–1836). М. Гельдыев написал рецензию на статью Окыджи под названием «Сейди ким – ди (سه يدى كم –دى)» (Сейди кто это?). Эта рецензия побудила Окыджи написать ответную статью «Ýene Seýdi hakynda (ينه ده سه يدى حافنده)» (Снова о Сейди), на который в свою очередь М. Гельдыев ответил статьей «Okyjy Ýoldaşyň ýekeje sözlemin derňemek bilen özüne gaýtargy (اوقيجى يولداشڭ يه كه چه سوزمه من (جوملە سن) ده رگّه مه ك بله ن اوزينه قايتار غى)» (Ответ господину Окыджи после проверки только одного его предложения). Критическая переписка, возникшая между М. Гельдыевым и Окыджи, может быть охарактеризована как первый обзор туркменской литературы советского периода. В 1926 г. были опубликованы и рецензии других литературных критиков в газете «Туркменистан». Подобные работы могут быть названы первыми образцами критического мышления туркменского народа.

Гаджиев А.А.О. (д.ф.н., профессор университета «Азербайджан», г. Баку, Азербайджан)

ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СИНКРЕТИЗМ И ЖАНРОВАЯ ТИПОЛОГИЯ ВЫСЕЛЕНЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА АХАЛЦИХСКИХ ТУРОК

В сообщении рассматриваются функциональные, семантические и поэтические аспекты выселенческого фольклора ахалцихских (месхетинских) турок, исторически заселявших юго-западные регионы Грузии, в 1944 г. депортированных в Среднюю Азию. Ахалцихские турки, являющиеся этнографической группой, говорящей на обогатившемся местными заимствованиями восточно-анатолийском диалекте турецкого языка, в настоящее время поселились в более чем десяти государствах и обучаются на восьми языках мира. В условиях отсутствия благоприятной этно-культурной среды важнейшим фактором сохранения национальной идентичности стало устно-поэтическое творчество, которое в новом контексте претерпело глубокие изменения. В настоящее время фольклор этого народа создается литературно образованными авторами, зачастую в письменной форме, и представляет собой промежуточное между литературой и фольклором явление. В фольклорных материалах, собранных нами, наблюдаются эстетизация текстов, вытеснение информативной функции, реальная локализация событий и т.п. Магическое мышление уступает место творческой фантазии, усиливаются личностное начало, психологизм, историчность, формируются новые жанры (рассказ беседа, рассказ-воспоминание, рассказ-быль и т.д.). В тематическом аспекте прослеживаются два пути: во-первых, смысловая трансформация традиционного материала в репертуаре современных носителей устной традиции, новая трактовка старых тем, сюжетов и образов, во-вторых, творческое осмысление современными сказителями и сказочниками новой тематики, воспроизведение в устных произведениях современных общественно-исторических процессов.

Гасанова Г.А. (к.ф.н., доцент Бакинского славянского университета, г. Баку, Азербайджан)

ТРАДИЦИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО В ПРОЗЕ АНАРА

Художественный опыт Л. Толстого нашел свое продолжение в азербайджанской литературе, в частности, в творчестве известного современного писателя Расула оглы Р. Анара (род. 1938). В автобиографическом романе-исповеди «Без вас», посвященном памяти родителей писателя, выдающихся азербайджанских поэтов Расула Рзы и Нигяр Рафибейли, усматривается связь с толстовской трилогией. Усвоение традиций Толстого проявляется в индивидуализации характеров, глубоком психологизме, передаче движения чувств и мыслей, самоанализе героя. Сам Анар в своих интервью прямо указывал на то, что произведения Толстого служили ему источником творческого вдохновения и оказали влияние на выбор темы и сюжета задуманного сочинения.

Под впечатлением одного из рассказов Толстого «Смерть Ивана Ильича» была написана повесть «Комната в отеле», навеянная поездкой в Турцию, где писатель читал курс азербайджанской литературы. Главный герой Карим, интеллигент, ученый-тюрколог, остановившись на ночлег в одном из дешевых отелей в Турции, лежа на койке в тесной угловой каморке, мучается предчувствием близкой смерти, думает о близких. Передается внутренний монолог героя, расплачивающегося за верность своим убеждениям и нравственным принципам. Герой Анара с его духовными метаниями близок толстовским персонажам.

Нравственные проблемы поднимаются и в романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома». Это история несчастной любви двух молодых людей, трагической гибели главной героини. Тема романа во многом созвучна «Анне Карениной» Толстого. Анар осуждает эгоизм и душевную черствость и призывает людей быть добрее и человечнее.

За заслуги в области литературы Анар был избран первым председателем Союза писателей тюркоязычных государств по решению VI Конгресса редакторов литературных журналов тюркского мира в г. Эскишехир (Турция).

Горбаткина Г.А. (к.ф.н., востоковед-филолог, г. Москва)

ОБРАЗЫ СУФИЙСКИХ ШЕЙХОВ В РОМАНЕ ЯШАРА КЕМАЛЯ «ТОЩИЙ МЕМЕД»

1. Суфийские шейхи оказывали большое влияние на духовную, социальную и политическую жизнь Османской империи в течение многих веков. Несмотря на запрещение дервишеских орденов в республиканской Турции они продолжали действовать тайно. Выдающийся турецкий писатель Яшар Кемаль в романе «Тощий Мемед» рассказывает о деятельности суфийских шейхов после национально-освободительной войны.

2. В третьем и четвертом томах романа Я. Кемаль рисует обаятельные образы Ферхаде Ходжи и Анаджик Султан – женщины-шейха, которую народ почитает как святую. Автор показывает, что эти герои, как и знаменитые суфийские шейхи средневековья, обладают качествами и духовных, и светских руководителей народных масс. В новых условиях они продолжают бороться против социального неравенства. Ферхад Ходжа вместе с Мемедом возглавляет небольшой отряд эшкия, который, следуя древним традициям благородных разбойников, отдает беднякам отнятое у новых хозяев жизни. Но эта древняя традиция приобретает новые черты: прежде всего помощь получают те семьи, кормильцы которых погибли в национально-освободительной войне, и особенно юноши и девушки, чтобы они могли вступить в брак.

Суфийские шейхи и при республиканском режиме продолжают учить и лечить народ. Обитель Анаджик Султан служит прибежищем нуждающихся и гонимых. Как и ее мать, она обладает познаниями в медицине, и только благодаря ее искусству Мемед сумел выжить. Жители всех окрестных деревень собирают целебные растения, из которых в обители готовят лекарства.

3. На наш взгляд, особенно важно, что Ферхад Ходжа обосновывает необходимость борьбы против всяческого угнетения и насилия, опираясь на свое собственное толкование постулатов ислама. Это оказывает сильное влияние на сознание крестьян, которое в значительной степени остается на средневековом уровне.

Жигульская Д.В. (к.и.н., доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

ТУРЕЦКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ТЕРМИНА

В докладе подробно рассматривается идеология *турецкого национализма* или *туркизма,* возникшая на мировой арене в конце XIX в. и стремительно развившаяся в первые десятилетия XX в. Турецким эквивалентом термина стоит считать *Türk milliyetçiliği* и *Türkçülük*. В англоязычной литературе приняты соответствующие обозначения *Turkish nationalism* и *Turkism*. В сообщении приводится ряд факторов, которые легли в основу феномена турецкого национализма. Во-первых, борьба за независимость различных народов, живущих в Османской империи, среди которых, прежде всего, следует выделить греков, сербов и албанцев, дискредитировала идеологии *османизма* и *исламизма*, оставив турецкий национализм единственно привлекательной идеологией. Вторым, хотя и несколько менее значимым фактором, можно считать появление в европейской науке, а позже и в Османской империи, работ в области лингвистики и истории, изучающих турецкий язык и историческое наследие тюрков доосманского и доисламского периодов. Эти публикации, отчасти героизируя и мифологизируя прошлое турков, внесли вклад в формирование национального самосознания. В-третьих, иммиграция высокообразованной тюркской интеллигенции из Российской империи, которая испытала на себе серьезное влияние панславизма и развила контридеологию, поспособствовала консолидации националистической мысли в Османской империи и впоследствии нашла свое воплощение в пантюркизме и турецком национализме.

При этом основной сложностью при изучении феномена турецкого национализма стоит считать его полисемантичность и наличие различных трактовок этого явления, наряду с существованием смежных течений и/или идеологий, представляющих его вариации. Прежде всего, это обусловлено несоответствием исторического географического ареала, на котором формировалась идеология туркизма, и той территории, на которой произошла её практическая имплементация.

Кроме того, необходимо подчеркнуть постоянное взаимодействие и конкуренцию между различными формами турецкого национализма: традиционно они активизировали и влияли друг на друга. Каждая форма национализма содержит в себе ряд концепций и идей,

которыми оперируют его идеологи, «делая ударение» на одни из них и пренебрегая другими. Ключевыми референциями в процессе определения современной турецкой идентичности можно считать османское и доосманское наследие, ислам, вестернизм, а также вопросы гендерного равенства, прав и свобод и демократии.

Учитывая все сказанное выше, в докладе предпринята попытка классифицировать и дать определение различным проявлениям идеологии турецкого национализма. В этой связи последовательно будут рассмотрены термины *турецкий национализм (туркизм*); *туранизм (пантюркизм)* с его девиациями: *культурный* и *политический пантюркизм*; *анатолийский туркизм*; *кемалистский национализм* с его ответвлениями: *этнический* и *консервативный национализм*.

Караджа Б. (д.ф.н. проф., зав. кафедрой кавказских языков и культур факультета филологии, истории и географии Анкарского государственного университета, г. Анкара, Турция)

SABAHATTİN ALİ'NİN «İÇİMİZDEKİ ŞEYTAN» ADLI ROMANINDA METİNLERARASI İLİŞKİLER

Sabahattin Ali (1907–1948), Türkiye'de muhalif kimliği ve en çok da «İçimizdeki Şeytan» (1939) adlı romanı ile siyasi çevrelerde, geçmişteki hararetle olmasa bile tartışılan bir yazardır. Yurtdışındakiler bir yana, özellikle ülkesindeki siyasi çevrelerin Sabahattin Ali'ye ve «İçimizdeki Şeytan»'a gösterdiği bu ilgi, onun eseri üzerine edebiyat dünyasında yapılan tartışmaları da yönlendirdi. Eleştirmenler (ve araştırmacılar), «İçimizdeki Şeytan»'ı değerlendirirken nesnel bir yaklaşım sergileyemediler: Yazarı ve eserini ya olumladılar ya da bütünüyle reddettiler. Sabahattin Ali'nin ülkesini terk ederken bir cinayete kurban gitmesi ve bu cinayetin üzerindeki sır perdesinin hâlâ kalkmamış olması, onun muhalif kimliğine duyulan öfkenin sonucu olarak yorumlandı. Kesin olarak bilinen ise, «İçimizdeki Şeytan»'ın Sabahattin Ali'ye duyulan öfkenin nefrete dönüşmesinde birincil derecede etkili olduğudur. Genel kanı, Sabahattin Ali'nin «İçimizdeki Şeytan»'da eleştiri oklarını bir dönem çok yakın arkadaşı olan Nihal Atsız ve onun da liderliğini yaptığı ideolojiyi yönettiği şeklindedir. Bu algı öylesine güçlüdür ki Nihal Atsız, Sabahattin Ali'yi hedef alarak «İçimizdeki Şeytanlar» başlığıyla cevabi bir yazı kaleme almış, muhalifini ve eserini ağır bir dille eleştirmiştir. Buna karşın tartışmaların harareti sönmemiştir: Normal koşullarda iki aydın insanla ve edebiyat dünyasıyla sınırlı kalması beklenen tartışma, maalesef karşıt görüşteki iki grup (sağ ve sol) tarafından sokağa taşınmış ve şiddet olaylarına dönüşmüştür.

Bu çalışmada, bugüne kadar yapılmış olan siyasete angaje yaklaşımlardan farklı olarak «İçimizdeki Şeytan»'ın metinlerarası ilişkilerine dikkat çekmek amaçlamaktadır. Yukarıda anons edilen amaç doğrultusunda öncelikle Raymond Radiguet'nin «İçimizdeki Şeytan» (1923) adlı romanı, ardından da Christopher Marlowe'un «Doktor Faustus» (yak. 1589 veya 1593) adlı oyunu, Johann Wolfgang

Von Goethe'nin «Faust» (1774–1831) adlı trajedisi, Gonçarov'un «Oblomov» (1859), Turgenev'in «Babalar ve Oğullar» (1862) ve Dostoyevski'nin «Suç ve Ceza» (1866) adlı romanları incelenmiş, karşılaştırma yapmak için metin analizi yöntemiyle veri toplanmıştır.

Verilerin değerlendirilme aşamasında öncelikle, dünya edebiyatında aynı adla daha önce yazılmış olan bir başka eserin S. Ali'nin eseriyle ilişkisi araştırıldı: Bu eser, Raymond Radiguet'nin (1903–1923) «İçimizdeki Şeytan» («Le Diable au corps» / «The Devil in the Flesh») adlı romanıdır. Bu noktada şöyle bir soru geliyor akıllara: Sabahattin Ali'nin eserinin Fransız yazarın romanıyla aynı adı taşıyor olması tesadüf olabilir mi? Ardından sırasıyla şu sorular formüle edildi: S.Ali'nin yarattığı eser başkişisi Ömer'in eylemsizliği ve kararsız oluşuyla Gonçarov'un «Oblomov»'undan ya da eserdeki diğer kişilerden Ömer ve Nihat ikilisinin öğrenci olması ve tartışma biçimleri ile Turgenev'in «Babalar ve Oğullar»'ından esintiler taşıyor olmasının bir açıklaması var mıdır? Ayrıca romanın başkahramanı Ömer'in işlediği suçlar ve bu suçlara verdiği tepki, Dostoyevski'nin eserlerinde yorumladığı suç ve ceza motifleriyle karşılaştırılabilir nitelikte midir? Bu soruların hepsi elde edilen veriler ışığında irdelendi, Sabahattin Ali'nin romanının anılan eserlerle bağlantıları tespit edildi. Bunun dışında yazarın yazışmaları ve değişik dönemlerde yapılmış olan Sabahattin Ali konulu röportajlardan elde edilen bilgiler de değerlendirilmeye alındı: Bizzat yazarın kendisi ve yakın çevresinin (örneğin, kız arkadaşı Melehat Togar'ın) ifadelerinde, Sabahattin Ali'nin öğrenim için Almanya'da bulunduğu dönemde Almanca üzerinden Goethe'nin «Faust»'unu okuduğu, aralarında Turgenev, Maksim Gorki, E. Allen Poe, Guy de Maupassant, Bernd Heinrich Wilhelm von Kleist, Knut Hamsun, Ernst Theodor Amadeus Hoffmann ve Paul Thomas Mann'ın da bulunduğu dünya edebiyatının klasikleriyle tanıştığı bilgisi var ve bu listede Dostoyevski'nin adı özel olarak anılıyordu.

Sonuç olarak şöyle bir kanaat oluştu: Sabahattin Ali, Türkiye'nin gerçeklerini dünya edebiyatının gerçekleriyle yoğurarak özgün bir metin yaratmıştır ve «İçimizdeki Şeytan» siyasete angaje bir metin olmaktan çok edebiyat dünyasına ait bir eserdir.

Мишкинене Г.А. (д.ф.н., доцент Вильнюсского университета,
г. Вильнюс, Литва)

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ СТАРОТУРЕЦКИХ ТЕКСТОВ В СТРУКТУРЕ РУКОПИСЕЙ ЛИТОВСКИХ ТАТАР

Потомки татар Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), ныне проживающие на территории трех государств – Беларуси, Литвы и Польши, после более чем двухсотлетнего проживания в ВКЛ, к началу XVII в. в силу ряда причин утрачивают свой родной тюркский язык. Появление белорусских текстов, писанных арабским письмом в середине XVI в., а в XVII–XX вв. – и на польском, связано с историей языковой ассимиляции татар. Быстрая утрата родного языка была обусловлена рядом экономических, политических, социальных и религиозных причин.

В результате языковой ассимиляции зародившаяся рукописная традиция способствовала сохранению культуры и религии литовских татар, не позволила им полностью раствориться в инородной среде. Традиционная письменность несла в себе историческую память прошлых лет, поддерживала традиции и обычаи в мусульманских семьях. На протяжении веков она оставалась и единственным источником религиозной культуры мусульман ВКЛ.

Рукописи литовских татар – многоязычные памятники, в которых представлены как минимум четыре языка. Текстам на восточных (арабском, тюркском) языках сопутствует перевод на указанные выше славянские языки – в большинстве случаев параллельный, в тефсирах подстрочный. В научной литературе упоминаются четыре восточных литературных языка, зафиксированных в рукописях мусульман ВКЛ: хорезмийский, чагатайский, староосманский и крымско-татарский литературные языки.

Встречающиеся в рукописях литовских татар довольно редкие, но тем не менее очень значительные для исследователя двуязычные тексты – арабо- и тюркоязычные с подстрочным переводом на славянские языки –

(старо)белорусский и (старо)польский можно выявить, опираясь на опубликованные в 2005, 2011 и 2015 гг. каталоги арабографичных рукописей литовских татар. Тексты могли быть взяты непосредственно из турецких источников, например, как в случае с текстом «О благоприятных и неблагоприятных днях», который взят из книги выдающегося мусульманского ученого-суфия Абду-л Канийа (1641–1731): *баб то йест с турецкаго китабу ‘абду алканийа имама на полский йезик виложона аби лудзи посполити виразумели йак йест дни добре йак недобре…*

Много интересного об источнике можно почерпнуть из анализа значительного пласта арабо- и тюркскоязычной лексики, сохранившегося в текстах письменных памятников мусульман ВКЛ. При переводе с арабского или турецкого языков религиозная терминология, общеизвестные (сохранившиеся) слова и выражения не просто калькировались, но и адаптировались, облекаясь в фонетическую и морфологическую оболочку белорусского и польского языков.

В данном докладе обратимся к некоторым старотурецким текстам, встречающимся в рукописях литовских татар, и оговорим их особенности и значение для рукописной традиции.

Оганова Е.А. (к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

«ФОСФОРИЧЕСКАЯ ДЖЕВРИЕ» – РОМАН И ПЬЕСА (К ВОПРОСУ О ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПЕРЕДЕЛКАХ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Драматургическая переделка прозаического произведения, прежде всего, романа – явление, широко распространенное в современной турецкой литературе. Все драматургические переделки можно разделить на две группы: пьесы, созданные авторами на основе собственных прозаических произведений (здесь пальма первенства принадлежит Решаду Нури Гюнтекину – драматургические переделки романов «Королек – птичка певчая» /Çalıkuşu, 1922, пьеса – 1962–1963/, «Листопад» /Yaprak dökümü, 1930, пьеса – 1943–1944/ и др. – и Орхану Кемалю – драматургические переделки романов «Муртаза» /Murtaza, 1952, пьеса – 1969/, «Инспектор инспекторов» /Müfettişler Müfettişi, 1966, пьеса – 1980/ и повести «72 палата» /72. Koğuş, 1954, пьеса – 1967/, и др.), и пьесы, созданные авторами на основе прозаических произведений других писателей. К последней группе относятся драматургические переделки в творчестве одного из самых популярных турецких драматургов последних десятилетий – Тунджера Джюдженоглу (1944–2019).

Первым подобным опытом в творчестве Т. Джюдженоглу стала пьеса «Зеленая ночь» (Yeşil gece, 1974) – на основе знаменитого одноименного романа Р.Н. Гюнтекина (1928), позже драматург на основе романа Ильхана Таруса «Быть» (Varolmak, 1957) создал пьесу «Бига – 1920» (Biga – 1920, 1985), освещающую события Турецкой освободительной войны 20-х гг. XX в. Последняя драматургическая переделка в творчестве Т. Джюдженоглу – пьеса «Фосфорическая Джеврие» (Fosforlu Cevriye /İstanbul sokakları/, 2015), написанная на основе одноименного романа Суат Дервиш (1968).

Исследованию романа и пьесы и посвящен настоящий доклад: в сопоставительном плане рассматривается повествовательная структура обоих произведений, особенности субъектно-объектной, пространственной и темпоральной организации, система персонажей, прежде всего, образ главной героини – представительницы стамбульского «дна», женщины легкого поведения Фосфорической Джеврие, речевые характеристики героев, система художественных средств. Отдельное внимание в докладе отводится вопросу о значимости образа падшей женщины в творчестве Т. Джюдженоглу, прослеживается эволюция этого образа в его драматургическом наследии.

В заключительной части доклада приводятся выводы, которые уточняют вопрос о механизмах создания драматургического произведения на основе прозаического.

Парер М.О. (д.ф.н., зав. кафедрой русского языка и литературы
факультета филологии, истории и географии
Анкарского государственного университета, г. Анкара, Турция)

ПЕЧАТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ В ТУРЦИИ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В 1917–1920-е гг. среди представителей первой волны русской эмиграции, не принявших большевистскую власть и вынужденных покинуть родину, особое место занимали представители интеллигенции и дворянства. Они оставили заметный след и в Стамбуле. Среди известных писателей-эмигрантов, чьи литературные произведения знакомили читателей с жизнью русской эмиграции в Стамбуле, стоит упомянуть А. Аверченко, Г. Газданова, Г. Гребенщикова, Л. Белозерскую-Булгакову, Дон-Аминадо, Н. Теффи, И. Бунина, А. Вертинского, В. Шульгина и др. Но творческая деятельность эмигрантов этим не ограничивалась. В ней особое место занимали периодические издания, которые были посвящены анализу белого антибольшевистского движения в Турции и за ее рубежами.

Согласно данным Сводного каталога периодики русского зарубежья в 20-е гг. XX столетия в качестве места публикации 33 периодических и других изданий был указан Стамбул/Константинополь. Публикация, местом издания которой числился Йешилькёй/Сан-Стефано, в список, приведенный выше, не вошла. Помимо этого, зафиксировано 14 изданий, относившихся к городу Гелиболу и одно, опубликованное в городе Трабзоне. В соответствии с данными каталога, до 20-х гг. XX в. по всей Турции вышло 49 печатных изданий. Согласно данным фонда литературы русского зарубежья Государственного архива Российской Федерации, зафиксировано 66 печатных изданий, которые не являлись периодическими и которые выходили в Стамбуле/Константинополе. Из них 28 были изданы в начале 1920-х гг.

Самыми известными печатными изданиями русской эмиграции того времени являлись альманах «Рассвет» и журнал «Зарница». Из-за цензуры в годы перемирия в Стамбуле русская периодика печаталась на двух языках – русском и французском. В 1920–1922-х гг. выходила газета «Русское эхо» (Echo Russe), а в 1920–1925-х гг. – ежедневная литературно-политическая и финансовая газета «Вечерняя пресса» (Pressa du Soir). При этом в Стамбуле и раньше печатались периодические издания на русском языке. В истории турецкого типографического дела первой газетой, публиковавшейся на русском в период с 1909 по 1910 гг., считаются «Стамбульские новости». Эта газета распространялась в Турции, Болгарии и ряде западных европейских стран. Стоит отметить, что в «Союзе русских писателей и журналистов», образованном в феврале 1921 г. в Стамбуле, состояло 85 членов.

Очевиден тот факт, что русские эмигранты первой волны вели активную печатную деятельность в Турции, в особенности в Стамбуле. Исследование и классификация периодических печатных изданий русских эмигрантов в Стамбуле на основе их содержания, жанра и объема может пролить свет на исторические события, а также социальную и культурную жизнь того периода.

Погосян Н.А. (к.ф.н., старший преподаватель
Ереванского государственного университета, г. Ереван, Армения),
Акопян Т.В.(Ереванский государственный университет,
г. Ереван, Армения)

ОБРАЗ СУЛТАНА АБДУЛ ХАМИДА II В РОМАНЕ ТУРЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ Н.С. ОРИКА «КОГДА АБДУЛ ХАМИД ПАЛ»[2]

Неоднозначное и противоречивое правление султана Абдул Хамида II, также как и его личность остаются одной из самых обсуждаемых вопросов истории Османский империи уже более века. При этом к этой теме обращаются не только историки, но и политики, писатели, кинематографисты в Турции и за ее пределами. В данной статье представлен образ султана Абдул Хамида II глазами турецкого писателя середины XX в. Нахида Сырры Орика.

Опубликованный в 1956 г. роман «Когда Абдул Хамид пал» отличается от турецких исторических романов первой половины-середины XX в. В произведении Н.С. Орика султан выступает в роли пусть и не главного, но героя повествования. Автор не просто описывает Абдул Хамида и дает оценку его деятельности, а пытается представить эту действительность глазами султана, выразить его мнение о ситуации в стране и устами Абдул Хамида рассказать его видение будущего государства. Давая читателю возможность представить положение дел в Османской империи в период провозглашения Второй Конституции, Н.С. Орик мастерски описывает общественно-политическую ситуацию в Турции в этот период.

Внешность султана, его характер и пристрастия также находятся в центре внимания автора. Он обращается и к изменениям, имевшим место в политических и личных убеждениях султана в течении 33 лет правления.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках научного проекта № 8Т-6В325.

Репенкова М.М. (д.ф.н., зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА РОМАНА ЗЮЛЬФЮ ЛИВАНЕЛИ «ОТЕЛЬ “КОНСТАНТИНОПОЛЬ”»

В романе З. Ливанели (род. 1946) «Отель “Константинополь”» (Konstantiniyye Oteli, 2015) система образов разнообразна и обширна. Все образы можно разделить на три группы: представители так называемого «верха», стамбульского высшего света, богачи, пришедшие на открытие пятизвездочного отеля в центральном районе Султанахмет европейской части города (банкиры, владельцы крупных холдингов и компаний, известные журналисты и ученые, строители и телемагнаты и т.п.); представители «низа» стамбульского общества, бедные жители отдаленных окраинных районов города (электрики, охранники, водители и т.п.); представители нереального, воображаемого мира (псевдонимы-призраки известных турецких писателей, поэтов, политических деятелей, пришедшие на открытие отеля; души умерших из некрополя, находящегося под землей, под отелем; христиано-мусульманский святой, летающий в гробу над городом и т.п.). В мозаичном, карнавальном хронотопе романа все три группы образов выступают на равных, делая реальность и фантасмагорию равноправными частями единого целого.

Каждый образ сопровождает своя история, нарратором которой выступает сам автор, проявляя себя через местоимения «я» или «мы». Калейдоскоп бесконечных историй-нарраций, в котором уравниваются «верх» и «низ», реальность и нереальность, раскрывает авторскую позицию по отношению к изображаемому: перед смертельной вечностью все равны. Поэтому смешными и наивными представлены в романе стремления людей к богатству и власти. Авторские ирония и сарказм по отношению к тщеславным персонажам выражаются не только через их окарикатуренные описания (огромные часы «Ролекс» на руке; нелепые позы, принимаемые танцующими

и т.п.), но и в определении точного времени их смерти. Так, например, предприниматель, занимающийся военными заказами для правительства, стремится выиграть как можно больше тендеров. Но он даже и не подозревает, что жить ему на этом свете осталось семь часов, двадцать пять минут, три секунды.

Связующим звеном между тремя группами образов выступают главные герои – молодые влюбленные Зехра Эртан и Эмре Караджа. Зехра работает в холдинге, который построил отель «Константинополь». Она занимает высокую должность помощника руководителя, а в последствии заведующего отделом кадров. З. Ливанели использует и в этом романе традиционный для его творчества штамп молодой женщины, успешно продвигающейся по карьерной лестнице, но не особенно счастливой в личной жизни (романы «История моего брата», «Серенада»). Энергичная и рациональная Зехра противостоит инертному и эмоциональному Эмре-революционеру, не желающему работать на буржуазию и поэтому живущему за счет Зехры.

Система образов, относящихся к разным временным промежуткам жизни вечного города (Римская империя, Византия, Османская империя, Турецкая республика) не вмещается в рамки романного настоящего времени, составляющего четыре часа светского раута. Истории персонажей вводятся через художественное время, представленного прошлым и будущим и даже вневременными измерениями.

Сибагатов Ф.Ш. (к.ф.н., доцент кафедры журналистики БАШГУ, г. Уфа)

СОВРЕМЕННАЯ БАШКИРСКАЯ ПРОЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. АМИНЕВА)

В современной башкирской прозе наблюдается переход от традиций реалистического творчества к более свободной художественной образности, поискам новых художественных форм и новаторских идей. Развитие башкирской условно-метафорической прозы начинается в конце 1980-х гг. и связано с именами Р. Султангареева и А. Аминева. Миф, фантасмагория образуют необычный, но понятный читателям мир. Духовная деградация, потеря человеческого облика реализуются через фантастические допущения. В повестях А. Аминева «Усман таштары» («Усманские камни»), «Танкист», «Кытай-город» («Китай-город») и рассказе «Кар кешеһе» («Снежный человек») создается своеобразная проекция в будущее, реальное сочетается с фантастическим.

В повести «Китай-город» (2001) мы видим, какие последствия несут необдуманные решения. Сюжетная линия разворачивается в колхозе «Алга» («Вперед»), являющемся самым отстающим в районе. Чиновник из Уфы сообщает о приезде в деревню китайского бизнесмена, который поясняет, что в Конституцию страны внесли закон о продаже земель иностранным государствам и компаниям. Уже вечером состоялся разговор, в ходе которого новоиспеченный хозяин предлагает жителям два варианта – либо они остаются на родине и работают по найму, либо получат квартиры в городе и оставляют дома и земли в аренду на 25 лет.

Молодые высказались за переезд. Старик Файзулла, который долгие годы был председателем успешного колхоза, убеждал односельчан не поддаваться на провокации, мотивируя это тем, что «будущее – это наши дети и внуки. Разлучив их с родной землей, мы отлучим их и от родного языка. Лишатся они языка, считай – народу конец». Его слова звучат как наказ

будущим потомкам: «Согласившись уехать, мы совершим две непоправимые ошибки, больше того – два преступления. Во-первых, потеряем свою землю, во-вторых – свой язык. Родной язык сохраняется только в аулах, в городах приходит ему конец. От потери языка до исчезновения нации всего один шаг». Но народ не слушает увещевания старика, люди подписывают договор.

Благополучно переселившись в город и прожив там некоторое время, сельчане вспоминают о своих домах и земле. Как выяснилось, на месте их колхоза китайцы построили настоящий Китай-город: с трамваями, дорогами и многоэтажными высотками.

В произведении затрагиваются и такие вопросы, как отношения власти и народа. По мнению автора, часто верхушка элиты коррумпирована и отстаивает лишь свои интересы, игнорируя положение народа.

Таким образом, появление в современной башкирской прозе новых художественных произведений, основанных на архаических слоях духовной культуры, мифоэпических универсалиях и архетипах, свидетельствует о том, что национальная литература вступает в новый уровень своего развития и способна привлечь внимание читателя.

Софронова Л.В. (к.ф.н., доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России, г. Москва)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА АЙФЕР ТУНЧ

Турецкая писательница Айфер Тунч (род. 1964) известна как автор рассказов и нескольких романов. Ее прозу отличает глубокий психологизм, повышенное внимание к внутреннему миру человека, поэтому автор часто применяет такой прием как повествование от первого лица, тем самым некоторые ее произведения представляют собой исповедь главного героя. По словам Айфер Тунч, семья является основой основ человеческой жизни, именно на ней и фокусируется внимание автора. В центре повествования, как правило, находится травмированная родителями личность. Исследование внутреннего состояния такого героя, мотивов его поступков, восприятия действительности, отношений с внешним миром составляет основное содержание произведений Айфер Тунч. Одной из характерных черт прозы писательницы является нелинейное повествование. Наиболее сложную временную структуру имеет роман «Ночь зеленой пери» (*Yeşil Peri Gecesi*, 2010). Последний роман писательницы «Влюбленные безумны или же орел или решка» (*Aşıklar Delidir ya da Yazı Tura,* 2018) состоит из двух частей, в которых от лица каждого из двух влюбленных излагается история их любви в ахронологическом порядке. Но романное время едино для двух историй, оно ведет читателя к кульминационному моменту, которым является ожидаемая смерть мужчины от генетически предопределенного неизлечимого заболевания, что наполняет роман фатальным трагизмом, пронизывающим оба рассказа. Нелинейность повествования принуждает читателя собирать единый образ героя из разрозненных фактов его биографии, поступков, описаний как внешности, так и событий, пропущенных через субъективный взгляд рассказчика. Тем самым исподволь, как пазл, постепенно складывается у читателя объемная, многоцветная и эмоционально окрашенная картина жизни двух героев и их любви.

Сыздыкова Ж.С. (д.и.н., проф., зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

МАВЗОЛЕЙ ЯССАВИ – МЕСТО ПОКЛОНЕНИЯ МУСУЛЬМАН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Одной из важнейших особенностей ислама у казахов-кочевников является почитание святых и посещение связанных с ними культовых мест. Либеральный ислам, получивший распространение на территории Центральной Азии в виде ханафитского мазхаба, проявлял толерантное отношение к народным традициям и суфизму. По мнению известного востоковеда В. Бартольда, тюрки-кочевники Казахстана стали мусульманами благодаря проповедям дервишей-суфиев. При этом они становились личными почитателями суфийских шейхов, в которых видели чудотворцев и заступников. Традиция «зиарата» – паломничества к святым местам, в практике тюркских народов Центральной Азии известна со средних веков.

Одним из самых почитаемых суфийских шейхов в Центральной Азии являлся Ахмед Ходжа Яссави. Шейх жил на территории г. Яссы (ныне г. Туркестан Южно-Казахстанской области) на берегах р. Сыр-Дарьи, через который проходил Великий Шелковый путь, где происходило взаимодействие номадической и оседло-земледельческих культур.

В окрестностях города Сайрам (в письменных источниках Исфиджаб), в семье потомственного суфийского шейха Ибрахима родился Ахмед Ясави (год рождения точно неизвестен. Дата смерти 1166 г.). Он был выходцем из сословия ходжей, которые согласно своим родословным ведут происхождение от арабов-миссионеров, а их элитарные группы – от потомков пророка Мухаммеда (его дочери Фатимы и зятя, будущего халифа). Со временем ходжи тюркизировались и глубоко интегрировались в структуры местных тюркских этносов. В настоящее время именно имя Яссави, являющегося самой почитаемой мусульманами личностью, придает местному исламу неповторимый этнический колорит.

Величественный мавзолей А. Яссави – это великолепный памятник и подлинный шедевр исламской архитектуры. В настоящее время он стал самостоятельным региональным мусульманском центром. Имя Яссави в казахской традиции прочно ассоциировалось со святостью, высшими нравственными ценностями мусульманской религии, с неиссякаемым источником благодати, приобщиться к которому можно через усвоение его наследия, посещение места его упокоения или даже прикосновение к его главной книге «Диуан-и Хикмет». В Казахстане за годы независимости были переведены (со старотюркского) на казахский и русский языки полный сборник стихов А. Яссави «Диуан-и Хикмет» (или «Хикметы»).

По народному поверью, дорога паломника, посетившего Туркестан, обязательно должна лежать через мавзолей, возведенный над могилой Ходжа Ахмеда Яссави — суфия, поэта, философа и духовного наставника тюркских народов. Сегодня мавзолей Яссави является центральным объектом на территории историко-культурного музея-заповедника «Азрет-султан», одним из главных мест поклонения не только казахов, но и мусульман всего Центрально-Азиатского региона. Таким образом, можно заключить, что речь идет о самостоятельном региональном мусульманском центре.

Учгюль С. (д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка
и литературы факультета литературы
Эрджиесского государственного университета, г. Кайсери, Турция)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЛЕКЦИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ОРХАНА ПАМУКА

Русская литература является одной из тех литератур, которые своими богатейшими духовными ценностями и историческим содержанием влияют на другие литературы мира и дают им материал для творческих изысканий. Русская литература и по сей день оказывает огромное влияние на литературу Турции. Под ее воздействием находится и нобелевский лауреат, знаменитый турецкий писатель Орхан Памук. О. Памук, продолжая традицию своих предшественников обращаться к опыту мировой литературы, знакомиться с передовыми идеями русских мастеров слова. Он не скрывает своих пристрастий к творчеству Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Лескова, В. Набокова, В. Шкловского и других русских формалистов.

Доклад посвящен влиянию русской литературы на художественный мир О. Памука. В 2010 г. О. Памук в США на английском языке публикует художественное эссе «Наивный и сентиментальный романист» (The Naive and the Sentimental Novelist), объединяющее его лекции на тему писательского мастерства и искусства, которые были прочитаны им в Гарвардском университете в октябре 2009 г. В 2011 г эссе выходит на турецком языке в Турции (Saf ve Düşünceli Romancı). В отличие его художественных произведений в этом публицистической книге автор рассказывает о своем художественном творчестве с позиций придирчивого критика. Объектом его внимания становятся причины появления на свет его романов, их композиционные особенности, восприятие романов читающей публикой во всем мире и т.п. О. Памук рассматривает творчество писателей разных стран, описывает особенности различных литературных направлений и течений.

Говорит об особом значении для его творчества Л. Толстого и Ф. Достоевского.

Основной целью доклада является рассмотрение эссе О. Памука с точки зрения выявления авторской позиции к русской литературе и доказательства влияния русских писателей на памуковское творчество.

Хисамитдинова Ф.Г. (д.ф.н., профессор ИИЯЛ УФИЦ РАН, г. Уфа)

ПЕРСОНАЖИ ГРУППЫ «УЩЕРБНЫЕ ЛЮДИ» В БАШКИРСКОЙ МИФОЛОГИИ

Персонажи группы «ущербные люди» относятся к мифологизированным людям башкирской мифологии. «Ущербные люди» в основном представлены такими персонажами, как калеки (*ғәриптәр, ғәрип-ғөрәбә*); нищие (*фәкирҙәр*, *фәкир-фоқара, теләнсе*); бесплодные женщины (*биҙәү, түлһеҙ*); сироты (*етем, етем-ehep*); вдовцы и вдовы (*етем ҡатын, етем бабай*); юродивые, блаженные и помешанные (*диуана*, *шауҡымлы*, *бер төрлө*) и др. По представлениям башкир, данная группа персонажей имеет связь с иным миром. Они обладают особыми качествами, способностями. Башкиры их жалеют, в тоже время побаиваются, т.е. относятся неоднозначно. Об этом свидетельствуют фольклорный, этнографический и языковой материалы.

Первую группу ««ущербных людей» составляют калеки, уроды, увечные, которые представлены хромыми (*сатан*), слепыми (*һуҡыр, һыңар күҙ*), однорукими (*сулаҡ, һыңар ҡул*). В мифологии башкир и других тюрков обычно нечистая сила характеризуется одноглазостью (*һыңар күҙ*), одноногостью (*һыңар аяҡ),* однорукостью (*һыңар ҡул*), т.е. некой аномальностью. По-видимому, под влиянием таких представлений о нечистой силе у башкир сформировалось неоднозначное отношение к калекам, увечным людям. В частности, башкиры запрещают беременным женщинам смотреть на хромых, слепых и других увечных. По этнографическим материалам, башкиры жалеют данную группу людей, дают им подаяния (*хәйер*), на обрядовых праздниках выделяют долю (*өлөш*), тем не менее они стараются с ними общаться меньше, считая их опасными.

Далее в докладе будут подробно рассматриваться отдельные представители группы «ущербных людей» башкирской мифологии на фоне материалов мифологии других тюркских народов.

Эринч Э. (к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка и литературы Эрджиесского государственного университета, г. Кайсери, Турция)

ОБРАЗ «БЕЛОГО РУССКОГО» В ТВОРЧЕСТВЕ ФИКРЕТА АДИЛЯ

Фикрет Адиль (1901–1973) – один из немногих турецких писателей, кто обратился к судьбе русских эмигрантов, прибывших в Стамбул с первой волной эмиграции. В его прозаических произведениях таких, как «Гарденбарские ночи», «Интермеццо» и «Асмалымесджит 74», описывается богемная сторона жизни Стамбула двадцатых годов XX в. В оккупированный странами АНТАНТЫ Стамбул приезжали граждане бывшей Российской империи десятками тысяч. Количество приехавших эмигрантов было достаточно для того, чтобы изменить демографическую структуру города. Влияние российского населения проявило себя в разных областях городской жизни: обогатилась культура развлечений (открывались новые рестораны, бары и т.д.), проводилось большое количество культурных мероприятий (театральных и балетных представлений), открывались новые издательства и типографии, выходили новые печатные издания.

Фикрет Адиль, который в 1920 гг. занимался журналистикой, по роду своей деятельности внимательно следил за происходящими демографическим изменениями в родном городе. В публицистических и литературных произведениях он впервые в турецкой литературе создал образ «белого русского в Стамбуле».

Целью доклада является выяснение, насколько Фикрет Адиль повлиял на сегодняшний образ русской эмиграции в Стамбуле. Для того чтобы определить эстетическую значимость произведений Фикрета Адиля для создания емкого образа русской эмиграции, нужно сопоставить его произведения с произведениями других турецких авторов того времени, которые писали на ту же тему (Якуб Кадри Караосманоглу, Хусейин Рахми Гюрпынар, Пеями Сафа и др.). Сравнительный анализ помогает выделить разные этапы эволюции образа русского эмигранта (его возникновение в турецкой литературе первой четверти XX в. и развитие в современной турецкой прозе).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ОРГКОМИТЕТ XXVII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»,

Председатель – д.ф.н., проф., зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Репенкова Мария Михайловна (mmrepenkova@rambler.ru)

Зам. председателя – к.ф.н., доц. кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Оганова Елена Александровна (ova8@yandex.ru)

Секретарь – переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Каменева Ольга Николаевна (olga.kameneva@list.ru)

Координатор – к.ф.н., ст. преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна (uni_philology@yahoo.com)

Будем рады дальнейшему сотрудничеству с вами!